

Библейско-богословская коллекция
Серия «БОГОСЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
Современные исследования

**Владимир Михайлович
КИРИЛИН**

**«ПРОСВЕТИТЕЛЬ»
ПРЕПОДОБНОГО
ИОСИФА ВОЛОЦКОГО**

Опубликовано: Записки Отдела рукописей
Российской государственной библиотеки, 2000, 51, с. 117-142.

© Сканирование и создание электронного варианта: издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2007.

Санкт-Петербург
Аксион эстин
2007

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЗАПИСКИ
отдела
рукописей

выпуск

51

МОСКВА
2000

В.М.Кириллин

“ПРОСВЕТИТЕЛЬ” ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

(ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕРУССКОГО)

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В посл. тр. XV — нач. XVI столетия общественность Московской Руси пережила такое бурное брожение умов, какого до той поры никогда не испытывала. Отражения этой, пережитой тогда смуты выказывались в последующей российской бытийственности многообразно и, между прочим, все еще не до конца выявлены и не вполне осмыслены. Речь идет о так называемой новгородско-московской ереси, а точнее — о достаточно определенном комплексе умонастроений, которые уже современниками были оценены как “жидовство”, “жидовствование”, “ересь жидовская мудрствующих”.

Должно сразу отметить: означенные умонастроения, по справедливым наблюдениям многих исследователей, в своем внутреннем, сущностном развитии не достигли доктринальной целостности и единства. Однако применительно к христианству, Православию, русским церковно-религиозным традициям и устоям они все же оказались однозначно деструктивными: питающие их идеи по сути представляли собой полное или частичное неприятие, отрицание принятой на Руси системы духовных ценностей и модели общественного и индивидуального религиозного поведения, конкретно же — выражались в декларациях критики и протеста и соответствующих последним поступках.

В плане ментальном и в контексте европейского средневековья “ересь жидовствующих” явилась как периферийный и, по-видимому, многократно преломленный рефлекс того мощного духовно-интеллектуального процесса, который примерно с кон. XIII в. будоражил Западную Европу. Я имею в виду великое, конечно же, по своей значимости и последствиям движение гуманизма, бесспорно оставившее мировой культуре огромные богатства, но, к сожалению, вместе со всем положи-

тельным несшее в себе и отрицательное. В самом деле, не следует забывать: поскольку европейский гуманизм возрастал как дитя метафизической борьбы разума против духа, науки против веры, а смыслом и целью этой борьбы (может быть, тогда — в средние века — мало кем осознаваемыми) была, в сущности, эмансипация идеи и бытия человека от бытия и идеи Бога, поскольку внутренняя логика данного движения закономерно и неминуемо вела к постепенному умалению некогда доминирующей сферы религиозной мысли за счет все увеличивающейся сферы секулярной мысли, к неодолимому утверждению рационализма на постаменте вседозволительной и всепроникающей критики и если и не к полному атеизму, то к очевидному стремлению использовать теологию как инструмент общественного управления и таким образом веру в Бога расчетливо подчинить служению сугубо социальным и индивидуалистическим интересам. Отсюда не удивительно, что в лоне гуманизма вывелись умонастроения, подвергавшие сомнению и даже отторжению глубоко гуманистическое содержание христианской религии и религиозного опыта христианской Церкви. Выражением таковых умонастроений были, разумеется, ереси, причем — самых разных толков. История христианства немало их знает. В частности, и средние века по данному предмету доставляют богатейший материал.

Ереси, как известно, возникали в разной среде — например, профанной или элитарной; различались по характеру — скажем, были рационалистическими или мистическими; преследовали разные цели — религиозные, политические, социальные. Но наряду с отличительными чертами ереси всегда имели и нечто общее. Во-первых, все они вырастали на почве субъективного, хотя и нередко объективно обусловленного неприятия существующего порядка вещей, сложившегося образа жизни; во-вторых, все они так или иначе были критически направлены против догматики и организационно-обрядовых традиций, принятых Церковью; в-третьих, все они находили идейную опору с одной стороны в ранних еретических учениях эпохи вселенских соборов, а с другой — в современных философских концепциях, появившихся по мере развития данной области научного знания, причем часто — в инохристианских культурах: иудейской, языческой, исламской. Собственно, и те умонастроения, которые отличают ересь жидовствующих, вполне отчетливо характеризуются отмеченными общими, типологическими для всякой ереси особенностями.

Итак, в контексте всевропейского средневекового менталитета ересь жидовствующих представляется, фигурально говоря, порочным плодом гуманизма. И вот что любопытно: родившись в православной “Русии”, сей плод оказался нежизнеспособным ребенком, но зато удивительным образом предварил идейно (хотя бы по антицерковной тенденции) порождения Западной Европы — реформацию и протестантизм, столь преобразившие в конце концов духовную жизнь некоторых европейских народов, которая некогда — в ограде католицизма — отличалась все-таки известным единством и гармоничностью. Разумеется, о полной аналогии сопоставляемых явлений говорить нельзя: суть русского “жидовства” была в резком, даже кощунственном отказе от христианства вообще, тогда как суть реформационно-протестантского движения поначалу состояла лишь в отказе от догматического, политического и этического диктата папской церкви, но не от учения Христа и его ближайших последователей апостолов.

У ереси жидовствующих имелись, конечно же, не только глобальные предпосылки на уровне религиозно-философского и интеллектуально-эмоционального понимания и устроения жизни. В науке много говорено прежде всего о конкретных соци-

ально-исторических причинах, экономико-политических и церковно-государственных мотивах ее возникновения и распространения в Московской Руси [15; 19; 24]. Эта внешняя сторона в общем достаточно изучена, и потому здесь вряд ли стоит уделять внимание данному предмету еще раз (тем более, что публикуемый ниже текст позволяет вполне наглядно представить и панораму и остроту случившегося тогда конфликта). Гораздо важнее отметить другое: а именно то, что означенная ересь возникла не вдруг и не на пустом месте; ее появление имело, очевидно, свою довольно длительную предысторию, хотя и плохо освещенную. Во всяком случае, вполне можно говорить о предварительном и постепенном приготовлении отдельных русских умов к ереси, а также указать и на ту злокачественную почву, которая послужила питательной средой для ересемыслия.

Действительно, уже давно выявлена идейная связь “жидовская мудрствующих” с их предшественниками — “стригольниками”, явившимися в Новгородской епархии столетием раньше и исповедовавшими сходные взгляды, которые, заметим, и к кон. XV в. еще не были изжиты [15]. Кроме того, установлено, что само стригольничество, в свою очередь, было идейно связано с ересями “солунских” и “болгарских” жидовствующих XIV в. [33; 41: 396]*. Наконец, и эти ереси, по-видимому, сформировались не без влияния со стороны караимства — неталмудического (контрраввинистического в изначальной своей основе) религиозного движения евреев [33]. Следовательно, одно только зарождение ереси русских жидовствующих было обусловлено очевидной традицией: тем именно, что в недрах средневековых православных государств и народов (Византии, Болгарии, Руси) к XV в. накопился уже значительный опыт иноверия, инакомыслия, основанный как раз на принципиальной критике христианства и пересмотре его коренных положений.

Необходимо также иметь в виду и целый пучок духовно-интеллектуальных импульсов, способствовавших данному процессу. К еретичеству могли подталкивать, например, не только импульсы отрицательные (невежество, непонимание, неприязнь), но и положительные (пытливое любопытство, стремление к образованию, самостоятельность мысли); не только внутренние (собственное религиозное побуждение, проистекающее от искаженности религиозных представлений, самомнение), но и внешние (реальное или мистическое воздействие со стороны, слепое следование чужому мнению); не только будто бы созидательные (благое намерение что-либо улучшить), но и разрушительные (злой умысел, расчет на уничтожение) и т.п.

Должно, кроме того, помнить, что в плане накопления опыта критицизма именно Новгород Великий — благодаря своим разнообразным связям с окружающим миром, своему старинному вольнолюбию и горделивому стремлению к независимости, включая и духовную, от кого и чего бы то ни было — представлял собой особенно подходящее место: здесь без труда, в непосредственном общении могли быть почувствованы и оценены, например, отличия между православием и католичеством, между христианством и другими религиями; здесь запросто могли быть уловлены любые бродившие по миру идеи и настроения; здесь отлично — в области знания вообще — срабатывала “разница потенциалов” и, соответственно, легко возникало напряжен-

* Правда, не все ученые разделяют такой взгляд на стригольничество. Известны и попытки его защиты — особенно в советской медиевистике. Такова, например, позиция акад. Б.А.Рыбакова. Свое последнее исследование он строит прямо как апологию стригольничества [34.]. Смело раздвигая исторические рамки этого — сугубо русского — движения и расширяя круг источников, якобы сопряженных с ним (храмовые росписи, иконопись, книжная миниатюра и орнаментика, мелкая пластика, памятники литературы и прочее), автор в итоге полагает, что лсково-новгородские стригольники были “той передовой, наиболее культурной частью русского городского посада XIII–XIV вв., которая призывала к Разуму, пропагандировала книжность, установила культ Премудрости и подавала пример “чистого жития”, а также “вела общество к более высокому уровню понимания своих задач” [34: 335].

ное “поле” для умственных беспокойств и блужданий. Так что зарождение ереси жидовствующих не где-нибудь, а в Новгороде совсем не удивительно.

Судя по тому что известно о начале ереси жидовствующих и характере первых ее проявлений, данное учение было завозным, иностранным, а его прозелиты ориентировались (и, по-видимому, во многом) именно на нехристианские, чуждые Православию идеи и формы. Этому, считается, весьма способствовали: во-первых, теснейшие контакты Новгорода с Литвой и Польшей [20: 140–142], где пребывало тогда немало иноверцев, в частности евреев разных вероисповедных толков — караимов, раввинистов, каббалистов [9: 5]; во-вторых, известное колебание Новгорода между великим князем Литовским и великим князем Московским [20: 140–142]. Однако, будучи привитой извне, ересь жидовствующих распространилась тем не менее уже исключительно в русском обществе — сначала в Новгороде, а потом в Москве, причем поразила собой как простонародье, так и привилегированные сферы, главным образом белое духовенство и мирян высокого ранга [15: 84–85].

Надо признать: хотя в целом еретическое движение не было внутренне — концептуально и дисциплинарно — единым, тем не менее оно обладало очень сильными качествами, весьма способствовавшими его успеху. Еретиков отличала близость к властным структурам, закрытый, конспиративный характер общения и сравнительная образованность. Особого внимания заслуживает именно последнее. Ибо, анализируя то немногое, что известно об умственных интересах и занятиях еретиков, можно точнее определить идейные корни и лучше понять сущность их учения — самый спорный предмет в науке.

Действительно, круг чтения еретиков был довольно широк и разнообразен, причем бытовавшие среди них сочинения были либо достаточно редко встречавшимися в русских библиотеках по самым разным причинам и, конечно же, не только из-за неготовности русских книжников воспринимать содержательно сложные тексты, либо вовсе не встречавшимися в силу их несоответствия духу и смыслу Православия, либо, наконец, едва лишь известными, но известными под знаком именно вредности, бесполезности для жизни во Христе.

Популярные у жидовствующих сочинения являлись в основном переводными и по своему происхождению могут быть разделены на две группы — христианские и нехристианские.

К первой группе относились сочинения богословско-полемические и агиографические, например сочинения Дионисия Ареопагита, житие папы Сильвестра, слова Афанасия Александрийского против ариан, слово Козьмы Пресвитера против богомилов, послание патриарха Фотия болгарскому царю Борису-Михаилу [24: 187]. Все они, вероятно, привлекали внимание еретиков прежде всего содержащейся в них ортодоксальной аргументацией по поводу различных догматических, церковно-практических и религиозно-философских вопросов. Однако такой сугубо конфессиональной христианской литературой жидовствующие не ограничивались. Их интересовали и светские по содержанию тексты, например *Мудрость Менандра*, сборник нравоучительных афоризмов и сентенций древнегреческого драматурга о любви, дружбе, вражде, добре, зле, труде, учении, лени, семейной жизни и т.д.; причем главной, связующей темой всех этих этико-философских изречений, по преданию собранных воедино святым Григорием Богословом, был вопрос о силе и возможности разума, о значении просвещения и образованности. Именно данная особенность сборника, по-видимому, и вызывала специальный интерес еретиков, тяготивших к рационализму.

Итак, популярная среди жидовствующих христианская литература в целом указывает на их очевидную приверженность к занятиям отвлеченными предметами и принадлежность, соответственно, к интеллектуальной элите. Собственно такой вывод подтверждается и теми ветхозаветными текстами, которые, оказавшись в сфере внимания еретиков, вместе с тем вообще в славянской письменности были весьма редки, либо только-только, к кон. XV в., появились в славянских переводах. По-видимому, особый интерес у еретиков вызывали книги Бытия, Царств, Притчей Соломона, Пророков, Премудростей Иисуса, сына Сирахова. Но в чем конкретно состоял этот интерес, какова была его специфика сравнительно с православным подходом, пока не установлено. Можно лишь в самом общем плане предположить, что их интересовали вопросы о судьбах тварного мира, о мессианстве и мессианских чаяниях, о мудрости Божественной и человеческой.

Что же касается текстов второй группы, нехристианских, к которым влеклась мысль жидовствующих, то таковые, как установлено, в исконном своем виде принадлежали к еврейской или арабской книжной традиции, но на русский язык были переведены, по мнению большинства ученых, именно с еврейского. Эти тексты также различались в плане содержания.

Одни из них, думается, были вполне адекватны религиозным запросам жидовствующих. Известны, например, некоторые ветхозаветные тексты, переведенные на славянский не с греческого — по Септуагинте, а с древнееврейского масоретского оригинала. Это Книга Эсфирь, Книга пророка Даниила [12; 13] и др. Известна, кроме того, и так называемая Псалтирь еврейская — сделанный неким Федором “новокрещенным” перевод с какого-то еврейского молитвенника (краткого варианта праздничного молитвенника “Махазор”) [43]. И совершенно справедливо отмечалось, что подобные тексты, будучи введенными в обиход древнерусского чтения, предназначены были, помимо религиозных целей, к тому, чтобы “ослепить малоосведомленных русских идеей искаженности ветхозаветной Библии, на которую опиралась вся христианская Церковь” [18: 503–504]. Особенно показательна в этом отношении Псалтирь еврейская, ибо в ней, во-первых, отсутствуют какие бы то ни было пророчества о Сыне Божием Иисусе Христе, во-вторых, отчетливо просвечивает “иудейская оппозиция учению о троичности лиц Божества”, в-третьих, прослеживается “тенденция восстановления земного царства единого Бога в Израиле” [43: 12–13]. Отсюда не удивительно, что всякий древнерусский читатель, склонный по натуре к критицизму и недостаточно твердо державшийся Православия, вполне мог “заразиться”, прельститься таким текстом и принять его в качестве идейной опоры для собственных произвольных религиозных установлений, которые, естественно, должны были войти в противоречие с комплексом понятий, знаний, убеждений, обрядовых действий, выработанных и откристаллизованных в христианском соборном опыте богопостижения, богоисповедания и богослужения.

Другую разновидность нехристианских книг, популярных у еретиков, составили книги светские. Это — научные либо паранаучные сочинения. Которые опять-таки и своим происхождением и своим содержанием связаны были прежде всего с умственной жизнью средневекового еврейства. Так, книга “Шестокрыл” представляла собой славянский перевод трактата “Шеш кнафаим” — руководства по математическому определению лунно-солнечного движения, написанного в 1365 г. евреем Иммануэлем бен Я’аковом Бонфисом. И примечательно, что на Руси данная книга использовалась именно в гадательной практике [21: 508–509; 22: 50–51, 78–80; 41: 413–418]. Читали жидовствующие и переводные труды по философии. Примером может слу-

жить “Книга, глаголемая логика” — пересказ сочинения “Миллот ха-хигайон”, автором которого был известный еврейский ученый XII–XIII в., раввинист Моисей бен Маймун (Маймонида) [21: 508–509; 37; 41: 401–409]. К текстам из круга еретиков принято относить также “Трактат о сфере” Иоанна де Сакрабоско, или Джона Галифакса, английского ученого XIII в.; это сочинение содержалось в одной из древнерусских “Космографий”, переведенной, между прочим, с еврейского оригинала [22: 85–86]. Следует, наконец, отметить и такие сочинения, как “Учение луннику”, “Рафли”, “Тайная тайных” (или “Аристотелевы врата”). История названных книг опять-таки связана с еврейской средневековой литературой (связь их, кроме того, с арабоязычной традицией [46: 417–418] в данном случае не имеет значения). Важно, что, несмотря на различие в содержании, все они обнаруживают известное сходство, поскольку так или иначе касаются темы сокровенного, эзотерического знания; в них, например, имеются гадательно-астрологические разделы, где описаны некоторые способы определения предстоящего и магического воздействия на реальность. Особенно показательны “Рафли” и “Тайная тайных”: будучи текстуально связанными между собой, они, оказываясь, близки также и к упоминавшейся уже “Логике” Маймонида [45: 134; 46: 414]. Данное обстоятельство свидетельствует не только о принадлежности книг к одному кругу, но, думается, и о том, что их читатели — “жидовская мудрствующая” — сочетали интерес к естественным наукам, к рационалистическому образу мысли и познания с интересом к метафизике, мистике, оккультизму.

Итак, популярная среди еретиков нехристианская литература отличается в генетическом отношении очевидным единством с еврейской средневековой книжностью, причем, судя по указанным сочинениям, книжностью именно раввинистического, а не караимского толка. Но вместе с тем нехристианская литература еретиков характеризуется еще и единством времени и места ее внедрения в сферу восточно-славянской, в частности русской, умственной жизни. Действительно, по общепризнанному мнению, все названные выше тексты в виде древнерусских переводов появились на Руси во втор. пол. XV в., т.е. их появление вполне синхронно процессу зарождения и распространения ереси жидовствующих. Все эти переводы, кроме того, обладают заметной языковой общностью: они отражают более или менее плохое знание древнерусского литературного языка и содержат малорусские, белорусские, польские диалектизмы, а также гебраизмы. Такие черты позволяют полагать, что родиной данных переводов была Литовская Русь, а их авторами, вероятнее всего, были лица еврейской национальности, проживавшие здесь в XV столетии в весьма изрядном количестве. Кстати, как раз в Литву и Польшу и как раз к означенному времени переместились из Западной Европы центры еврейской образованности [2; 3]. Этим, несомненно, оправдывается известная убежденность относительно действительного влияния со стороны именно еврейской книжности и мысли на так называемое пробуждение общественного сознания, а точнее — увлечение еретическими идеями, имевшее место в Московском государстве в посл. тр. XV в. Такая убежденность, между прочим, вполне согласуется с тем, как на Руси интерпретировали саму ересь и еретиков современники-очевидцы, сохранявшие верность Православию.

Должно, однако, отметить: мнение о еврейских корнях ереси не всеми признается. Так, в советской медиевистике учение жидовствующих иногда рассматривали на более широком фоне европейского гуманизма и классовой борьбы, избегая вместе с тем конкретизации вопроса об истоках учения [19: 176–251, 305–332]. Но ведь взгляд на жидовствование как на умонастроение, тесно связанное с влиянием со стороны еврейского менталитета, помимо вышеприведенных доводов, подтверждается также

характером и существом собственного, оригинального текста, вышедшего непосредственно из среды русских еретиков. Я имею в виду “Лаодикийское послание” Федора Курицына. Действительно, в последнее время многие ученые пришли к выводу о связи этого таинственного текста с еврейской мыслью (правда, высказывались и альтернативные мнения: о связи памятника с античной или даже с христианской святоотеческой традицией). Причем те, кто усматривает в сочинениях Федора Курицына еврейские корни, расходясь друг с другом в конкретике своих предположений (Дж. Файн, например, соотносит “Лаодикийское послание” с иудаизмом, Ф.Кемпфер — с фарисейством, И.Мейер — с трудами Моисея Маймонида, Ф.Лиленфельд — с каббалой) [8: 324], по существу все же сходятся, поскольку так или иначе, но указывают именно на раввинистическую линию развития еврейской культуры как на очевидный источник влияния, из которого черпал вдохновение и идеи русский еретик Федор Курицын.

В этом отношении особенно реальной представляется связь “Лаодикийского послания” с каббалой. И вот почему. Во-первых, среди жидовствующих были в ходу некоторые ветхозаветные книги, переведенные на русский язык, как уже указывалось, прямо с масоретских оригиналов. Но ведь появление и распространение среди евреев текста Священного писания в виде Масоры, по мнению некоторых исследователей, связано как раз с каббалистической традицией [9: 159]. Во-вторых, распространяемые еретиками книги “Рафли” и “Тайная тайных” также содержат некоторые элементы, позволяющие судить о связи этих книг с каббалой — точнее, с ее символическим разделом, который посвящен обоснованию правомерности определенных спекуляций с буквами и числами, — например, с помощью гематрии и нотарикона, якобы способных раскрывать таинственные пути Божественной Премудрости [9: 170–173]. Отмеченные соответствия и совпадения, во всяком случае, указывают на их глубинное, сущностное единство и представляются симптоматичными. Думаю, имея их в виду, исследователь может с полным правом конкретизировать общий вывод о еврейском влиянии на русских жидовствующих. Вероятнее всего влияние на последних со стороны именно каббалистов, которые в русле средневекового иудаизма представляли весьма сильное учено-религиозное течение, между прочим, конгениальное раввинизму и проистекающее из древнего фарисейства. Кстати, косвенным подтверждением вывода о генетической связи умствований русских еретиков с иудейской каббалой является то обстоятельство, что буквально тогда же — только чуть позже, в кон. XV — нач. XVI в., — и в Западной Европе каббала использовалась как положительный источник знания. Так, ее всерьез пытались приспособить к христианству — причем с целью создания более совершенной, чем все существующие, универсальной и синкретической теологии — итальянец Джованни Пико делла Мирандола и немец Иоганн Рейхлин [23: 344–351, 371–373; 48: 254, 486–487]. И, между прочим, в лоне католической Церкви взгляды названных мыслителей-гуманистов были тоже квалифицированы как еретические. Без сомнения, отмеченная здесь культурно-историческая параллель не только оправданна, но и весьма показательна, — особенно если рассматривать ее в контексте хорошо известных контактов Московской Руси в XV в. как раз с Италией и Германией.

Итак, ересь жидовствующих, если говорить только о ее идейно-содержательной стороне, возникла: во-первых, на исторически подготовленной критикой и ложно-учительством почве; во-вторых, как отражение общеевропейского гуманистического движения; в-третьих, под воздействием еврейской религиозной и научно-философской мысли. В результате духовно-интеллектуальное состояние некоторых русских

людей было третирувано умонастроениями, по существу всецело враждебными Православию и основанным на нем устоям жизни. Будучи распространяемы тайно, эти умонастроения оказались тем более заразительны; будучи поддерживаемы в самых верхних сферах светской власти, они угрожали быть тем более губительными. Хуле и попреки подверглось самое главное — вера, нормы поведения, святыни христиан. Реальность религиозной революции обрела катастрофические формы, ведь ее победа должна была радикально изменить жизнь нации — и не только в церковном отношении, но также в политическом, экономическом, культурном, а главное — относительно Домостроительства Божия о спасении человечества.

При таких обстоятельствах Русская Церковь, естественно, должна была найти в себе силы для принципиальнейшей борьбы. Именно в этом контексте общественно-напряжения и появляются обличительно-полемические труды архиепископа Новгородского Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого, его верного последователя и соратника по борьбе с ересью.

Преподобный Иосиф (1439–1515), в миру Иван Санин, был учеником преподобного Пафнутия Боровского, его преемником по игуменству в Рождество-Богородицком Пафнугьевом монастыре, а затем основателем Успенской обители на Волоке Ламском (1479), которая в XVI в. получила в Московской Руси известность и большое влияние как церковно-общественный и культурно-просветительный центр, цитадель подвижников и архипастырей русского народа. Преподобный Иосиф Волоцкий — один из самых ярких и энергичных людей своего времени; последовательный сторонник иноческого общежития на основе всецелого послушания и твердой уставной дисциплины; ревнитель социального служения Церкви миру через духовное наставничество, благотворительность и милосердие и потому твердый защитник церковно-монастырского имущества и хозяйственной деятельности монастырей в качестве крупных землевладельцев; горячий проповедник богоответственной власти царя, охранитель национальных религиозных традиций и святынь и потому непримиримый обличитель вероотступников — по существу, врагов православия и православной государственности. Вместе с тем преподобный Иосиф Волоцкий самый крупный и плодовитый русский писатель (полюемист, публицист, богослов, идеолог) рубежа XV–XVI вв., оставивший и большое и удивительно разнообразное идейно-тематически и стилистически литературное наследие. Его перу принадлежит множество посланий различным церковным и мирским лицам, в которых рассматривались бытовые, гражданские, государственные, социальные, церковные, религиозные, морально-нравственные вопросы; каноническое сочинение — “Духовная грамота”, или монастырский устав, в котором решаются вопросы устройства иноческой жизни в ограде монастыря; наконец, самое значительное и главное творение, первый в отечественной книжности самостоятельный дискурсивный и довольно систематический обзор основных (догматических, историософских, этико-эстетических) положений православного вероучения — “Книга на новгородских еретиков”, или “Просветитель”. Несомненно, многие духовно-пасторские, ученые и гражданские труды преподобного Иосифа, несмотря на наличие у него влиятельных врагов (Вассиан Патрикеев), способствовали его искреннему почитанию среди современников еще при жизни. Почитание это продолжалось и усиливалось и после его смерти. Не случайно задолго до церковной канонизации волоколамского игумена он был прославлен в трех разных “Житиях” тремя разными авторами — епископом Крутицким Саввой Черным, известным книжником Досифеем Топорковым и анонимным агиографом — и не случайно биографические сведения о преподобном (впрочем, как и его сочинения) были

включены святителем Макарием, митрополитом Московским и всея Руси в Великие Минеи Четьи. Естественным поэтому было и причисление преподобного Иосифа Волоцкого к лику святых — сначала как местночтимого, в 1578 г., а затем, в 1591 г., как общецерковно почитаемого угодника Божия [5; 38,2,1: 273–276; 50].

“Просветитель”, как стали называть сочинение преподобного Иосифа позднее, труд не только обличительный, но и исповеднический, апологетический. Данная книга во многих отношениях замечательна: она содержит живой, наполненный яркими бытовыми картинами и историческими аналогиями рассказ о деяниях и бесчинствах еретиков, детальный анализ и непримиримую критику их взглядов, проникновенные размышления о Боге, Благовестии, Спасении, о жизненной необходимости веры в евангельские истины и соблюдения апостольских и святоотеческих заветов. Это значительное по объему и содержанию произведение состоит из вступления (публикуемого ниже) и 16 “слов”, или глав. Первые четыре “слова” посвящены вопросам догматическим: в них рассматривается христианское учение о Божественной Троице, об Иисусе Христе как истинном Мессии и Боге, об отмене Закона Моисеева как религии и образа жизни лишь для одного богоизбранного народа в свете торжества Нового Завета, заповеданного Христом Спасителем всем народам, наконец, о премудром соответствии Божию промыслу и благодати явления через Приснодеву Марию Богочеловека для победы над дьяволом и для спасения человечества. Пятое, шестое и седьмое “слова” посвящены защите святых икон и иконопочитания, а также обоснованию разных типов христианского поклонения. В восьмом, девятом и десятом “словах” утверждается боговдохновенная истинность и авторитет апостольских и святоотеческих писаний. Одиннадцатое “слово” содержит апологию монашества как образа жизни, соответствующего благовестию Христа. В последних пяти “словах” книги вырабатываются на основании церковных и гражданских законов теоретические и практические принципы отношения православных к еретикам и вероотступникам.

Книга преподобного Иосифа Волоцкого, представляя собой обширнейший компендиум библейских, патристических, агиографических идеологем, образов, примеров, будучи интереснейшим памятником древнерусского богословия, а также памятником конкретной, остро направленной полемики, глубоко осознанного патриотизма и гражданственности, — эта книга явилась в мир русской умственной жизни как сокрушительное теоретическое оружие, причем одинаково пригодное и для аргументированного опровержения неправомыслящих, и для утверждения, просвещения малосведущих в коренных вопросах Православия. Не удивительна поэтому огромная популярность этого сочинения у древнерусских книжников: к нему как к источнику истинного христианского знания неоднократно обращались в своей общественно-религиозной борьбе последователи преподобного Иосифа, — например, в сер. XVI в., при осуждении ересей Матвея Башкина и Феодосия Косого, или в XVII в., в полемике с раскольниками митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия Корсакова; небезызвестен также интерес к этой книге царя Иоанна Васильевича Грозного.

Сохранились различные рукописные версии “Книги на новгородские еретики”. Все они свидетельствуют о ее литературном развитии во времени. По мнению многих исследователей, книга еще при жизни автора претерпела текстуральные изменения. Таковые касались в основном общего состава (объема) сочинения и особенностей его повествовательной структуры, связанных, в частности, с характером трактовки личности и деятельности митрополита “всея Руси” Зосимы (“Брадатого”). Уже в дореволюционной историографии было установлено, что первый вариант своей книги преподобный Иосиф создал еще до оставления Зосимой в

1494 г. первосвятительской кафедры. Эта так называемая краткая редакция “Просветителя” содержала предисловие — “Сказание о новоявившейся ереси” и 11 слов, или глав [5; 27; 32; 50]. Высказывалось мнение и о том, что к 1494 г. преподобным Иосифом было составлено три редакции книги: в первой о еретичестве Зосимы не говорилось ни слова, во второй Зосима лишь однажды упоминался как еретик и, наконец, в третьей содержались развернутые обвинения против него [30]. Однако, по убеждению советского автора Я.С.Лурье, специально занимавшегося текстологией “Просветителя”, преподобный Иосиф Волоцкий составил краткую редакцию своей книги несколько позже — накануне церковного собора 1504 г. “на еретики”; при этом он использовал свои ранние полемические сочинения, равно и сочинения своих современников, соратников по борьбе с ересью. Поводом для такой работы послужил политический крах (в 1502 г.) именитых покровителей ереси при дворе вел. кн. Иоанна III — его невестки Елены Стефановны Волошанки, внука Дмитрия Ивановича и др. Как полагает Я.С.Лурье, после собора 1504 г., осудившего еретиков, преподобный Иосиф написал еще пять слов (с такой датировкой согласны, кажется, все серьезные исследователи) и затем включил в свою книгу как 12–16-ю главы. Одновременно он отредактировал текст вступительного “Сказания”, оттуда почти полностью исключены были выпады против митрополита Зосимы. Так возникла вторая — пространная — редакция “Просветителя”, распространившаяся позднее в нескольких текстуральных вариантах, или изводах [24: 96–121, 149–152, 218–219, 421–422, 458–461, 469–474]. Необходимо отметить и мнение новейшего исследователя А.И.Плигузова. Выводы его таковы: первоначально книга насчитывала 10 слов и составлена была между 1 сент. 1492 и 17 мая 1494 г., затем, в 1508–1513/14 гг., появилась 11-словная редакция, а в сер.—втор. пол. 10-х гг. XVI в. была составлена 16-словная версия книги. Что же касается “смягченных” вариантов сочинения (не содержащих выпадов против митрополита Зосимы и великого князя Иоанна III), то все они сформировались не ранее кон. 10-х — нач. 20-х гг. XVI в. и, следовательно, перу преподобного Иосифа не принадлежат [28: 5, 23].

Таким образом, литературная история “Просветителя” сложна. Однако как бы она ни складывалась в действительности и что бы об этом ни думали специалисты, нельзя не признать: самым популярным в Древней Руси считался текст пространной редакции сочинения волоколамского игумена. Именно его чаще всего переписывали русские книжники XVI–XVII вв. [17: 463–466]. Освященный авторитетом Великих Миней Четиих, он стал как бы каноническим, т.е. по сути более прочих редакций книги отвечающим запросам соборного разума Русской Православной Церкви. Конечно же, при его многократной переписке в него вкрадывались мелкие разночтения, так что со временем появилось несколько “изводов” означенной редакции, но в целом этот текст оставался неизменным.

Ныне, в пору восстановления в России христианской жизни, возвращения многих россиян к Матери Церкви, возрождения русского Православия и вместе с тем в пору глубочайшего духовного кризиса, переживаемого русским народом, в пору мучительнейших исканий религиозной Истины, которые на деле нередко ведут людей к уклонению, отделению от Нее и к обособлению друг от друга, — совершенно необходим опыт прошлого. И несомненно, бесценным источником знания о таком опыте как раз и является “Просветитель” преподобного Иосифа Волоцкого. Книга эта очень нужна сегодня. Думается, ее освоение освежит если и не богословскую мысль, то духовную жизнь современных православных верующих во всяком случае.

Однако древнерусский текст “Просветителя” весьма не легок для восприятия и понимания, особенно теперь, когда сознание даже многих церковных людей утратило живую связь с церковно-славянской языковой традицией. Это, собственно, и побудило автора настоящих строк к работе над русским переводом книги*.

В качестве опорного древнерусского текста, оригинала для перевода использована пространная редакция “Просветителя”, а именно рукопись № 204 из собрания графа Н.П.Румянцева (Российская государственная библиотека) [6: 270–274]. И вот почему. Во-первых, эта рукопись содержит текст наиболее замечательного — “минейного” — извода пространной редакции, т.е. текст, который в 1538 г. был включен в состав первого — Софийского — комплекса Великих Миней Четиих [17: 440]. Во-вторых, эта рукопись, созданная в кон. 20-х — нач. 30-х гг. XVI в. [42:55], содержит, по-видимому, наиболее ранний список “минейного” извода, послуживший, возможно, протографом для последнего [38.2.2: 84]. В-третьих, эта рукопись принадлежала некогда самому святителю Макарию, знаменитому последователю преподобного Иосифа Волоцкого, организатору работы по составлению Великих Миней Четиих и Предстоятелю Русской Православной Церкви: став митрополитом “всера Руси”, он передал ее в Пафнутьев Боровский монастырь как “вклад” “на память своей души и по своим родителям в вечный поминак” [6: 274]. Так что избранная рукопись, несомненно, имеет особое значение как памятник древнерусской церковной письменности и литературы.

Выше уже отмечалось, что редакция “Просветителя”, содержащаяся в указанной рукописи, текстуально отличается от более ранней, краткой версии книги преподобного Иосифа. Поэтому при составлении русского перевода по необходимости использовался и текст краткой версии: отличающие ее фрагменты приводятся в подстрочных примечаниях. Разумеется, при этом переводчик не мог обойтись без помощи известного казанского издания [32], а также современных критических публикаций отдельных разделов книги [17].

* Здесь уместно сообщить о несколько опередившем настоящую публикацию издании “Просветителя” на русском языке (Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель / Пер. Е.В.Кравец и Л.П.Медведева.— М., 1993). Казалось бы, надлежит радоваться появлению данной книги. Но любовь к древнерусскому слову и умунастроению как явлению своеобразному и дивному, а также привычка к научной строгости и требовательности не позволяют в полной мере такую радость почувствовать. Дело в том, что указанное издание не обладает, думается, необходимыми качествами. Во-первых, переводчики слишком вольно обошлись с оригинальным текстом преподобного Иосифа Волоцкого, отнесясь с очевидным равнодушием к его поэтике, стилю, духу. Они переложили труд почтенного древнерусского писателя слишком по-своему, по-современному, а ведь это памятник православной культуры определенной эпохи и среды, определенной литературной и языковой традиции. Следовало бы, наверно, об этом помнить и следовало бы стремиться к сохранению насколько возможно присущих ему внешних особенностей (в лексике, в синтаксисе, в структуре). Во-вторых, переводчики совсем не озаботились проблемой адекватного восприятия всего содержания книги преподобного Иосифа.

А ведь в ней запечатлен весьма значительный объем средневекового православного знания с присущими ему историческими реалиями и ориентирами, богословской аргументацией, логикой философских рассуждений и выводов. Очень многое поэтому в тексте “Просветителя” требует комментирования — идейно-смыслового и фактологического. Без такого рода пояснений данная книга — памятник древнерусской мысли — просто не достигнет желанной цели, т.е. не сделается достоянием именно современного сознания. К сожалению, издание, о котором идет речь, означенным запросам не отвечает. Конечно, оно разойдется и люди книгу прочтут, но почувствуют ли они и поймут ли по-настоящему ее замечательного автора? Вряд ли.

ГРЕШНОГО ИНОКА ИОСИФА СКАЗАНИЕ О НОВОЯВИВШЕЙСЯ ЕРЕСИ НОВГОРОДСКИХ ЕРЕТИКОВ И ОТСТУПНИКОВ — АЛЕКСЕЯ ПРОТОПОПА, И ДЕНИСА ПОПА, И ФЕДОРА КУРИЦЫНА, И ПРОЧИХ, КТО ТАКЖЕ МУДРСТВУЕТ

Подобает ведать, что многочисленные ереси в разные годы и времена диавол со-
здал и множество плевел зловерия через служащих ему ересеначальников беззакон-
ных во всей вселенной рассеял ради извращения и смущения правой веры; и таковые
учения проклинает божественная и апостольская Церковь, а вместе с ними — и пос-
ледователей их; и об этом много написано святыми преподобными и богоносными
отцами нашими. Но о еретиках, явившихся в прежние годы, знают все, просвещен-
ные светом православия, и поминают их с проклятиями все, наученные от божествен-
ных писаний. О нынешних же многих ересях, которые в наши времена диавол через
безбожных еретиков распространил, во благо будет, полагаю, рассказать, дабы не
внимали мы учениям их и с совершенной ненавистью возненавидели их.

Итак, вот сказание об этом.

Русская великая земля еще в древности идолонеистовствовала, была омрачена
тьмою и до последних пределов осквернена, безбожным предаваясь деяниям. Когда
же едиnorodный Сын Божий, сущий в лоне Отчем, не смог более видеть, как Его
творение грехами поработается, и на это Свое милосердие обратил, тогда Он к нам
явился как Человек безгрешный и, отцова престола не оставляя, в Деву вселился нас
ради, дабы и мы поселились на небесах, и от древнего падения восстали, и от греха
освободились. Великое всыновление восприняв и великое житейское за нас совер-
шив попечение, Он крест и смерть претерпел и с небесными силами преславно со-
единил земные. Воскреснув же из мертвых, со славою на небеса вознесся и одесную
величества Отца Своего сел; и свидетельствующим о Нем ученикам, по обещанию,
через нисхождение огненных языков утешительный Дух даровал; и послал их во все
народы: просвещать во тьме невежества пребывающих и крестить таковых во имя
Отца и Сына и Святого Духа. И тогда одним из них восточные страны, другим запад-
ные пришлось пройти, а третьим северные и южные пересечь народы, повеленные
исполняя заповеди.

Тогда святой Андрей, один из двенадцати учеников Христовых, брат Петра, верхов-
ного апостола, от Иерусалима в Синопию пришел, и от Синопии — в Херсон, и от
Херсона направился вверх по Днепру; и остановился у гор прибрежных, и утром, про-
будившись от сна, сказал сопровождавшим его ученикам: “Видите ли горы эти? На го-
рах этих просияет благодать Божия, и возникнет город великий, и церкви многие Бо-
гом будут созданы”. И, поднявшись на горы те, благословил их, и поставил крест, и по-
молился Богу, и сошел с горы, где есть ныне город Киев. И пошел по Днепру вверх, и
пришел на место, где ныне Новгород великий, и оттуда двинулся к варягам, и прибыл

в Рим. Проповедовать же слово спасения в Русской земле ему запрещено было Святым Духом, Которого “судьбы — бездна великая” (Пс. 35,7)¹ и потому о них невозможно рассказать.

По всем же странам спасительная проповедь евангельская распространилась, и все от тьмы идольской избавлены были и светом богопознания озарились. Только Русская земля помрачена была тьмою идолобесия и скверными делами до последней крайности осквернялась. И много времени прошло по Вознесении на небеса Единородного Сына Божия, почти тысячелетие минуло, от сотворения же мира — 6500 лет². Но не могла Свое творение видеть гибнущим Святая, и Блаженная, и Досточтимая Троица, и потому посетила нас, низойдя свыше; и просветила светом богопознания, и верою, и благочестием, премудростью же и разумом самодержца и владыку Русской земли, блаженного Владимира, сына Святослава, и внука Игорева и блаженной Ольги, правнука же Рюрика. Ибо обратилось к нему Всевидящее Око и просветило его божественным крещением, и стал он сыном Света. Однако не только сам он, единолично, захотел спастись, но и всех спасти вознамерился и всем повелел креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа.

С той поры солнце евангельское над землей нашей воссияло, и апостольский гром нас научает, и божественные церкви и монастыри устроятся, и многие святители наши и преподобные, чудотворцы же и предзнаменований вестники, будто на золотых крыльях, в небеса вознеслись. И подобно тому как в древности нечестием всех превзошла Русская земля, так и нынче благочестием всех преодолела. Ведь в иных странах даже если и много бывает благочестивых и праведных, то много же нечестивых и неверных живет с ними, еретически мудрствуя. В Русской же земле не только деревни и села многие безвестные, но и города многие есть, в которых нет ни одного неверного или еретически мудрствующего; напротив, все единого только Пастыря, Христа, есть овцы, и притом все единомысленно мудрствуют, и все славят Чистую Троицу; еретика же и злочестивого нигде же никто не видел. И так было 470 лет.

О, за что же нам твоя злоба, сатана, ненавидящий добро, диавол вселукавый, злых помощник и защитник, Божий отметник, поглотивший весь мир и не насытившийся, возненавидевший небо и землю и вечной тьмой взалкавший?! Зри же, что творится и каково злокозньствуется!

Итак, явился в те времена жидовин по имени Схария³ — этот диаволов сосуд, обученный всяческим злодейственным изобретениям: чародейству и чернокнижию, звездозаконию и астрологам⁴. Живя в городе, нарицаемом Киев, близок он был к тамошнему князю Михаилу, христианину и христианских истин знатоку, сыну Александра, внуку Владимира и правнуку Ольгерда⁵. Этот князь Михаил в лето 6979 (1470)⁶, во дни княжения великого князя Ивана Васильевича⁷, прибыл в Великий Новгород. Вместе с ним в Великий Новгород прибыл и жидовин Схария, который прежде всех обольстил попа Дениса⁸ и в жидовство его обратил. Денис же привел к нему протопопу Алексея⁹, тогда еще бывшего попом на Михайловской улице¹⁰, и тот также отступником соделался непорочной и истинной христианской веры. Потом же приехали из Литвы¹¹ другие иудеи, а имена им — Иосиф Шмоилов Скарабей да Моисей Хануш¹². И такую Алексей и Денис надежду возложили на жидовскую веру, что стали всегда с ними трапезничать и обучаться у них жидовству, и не только сами, но и жен своих и детей склонили к жидовству, и даже захотели обрезаться ради жидовской веры. Но не разрешили им жида, говоря так: “Если, мол, узнают об этом христианин и захотят убедиться в том воочию, то будете обличены, поэтому храните в тайне свое жидовство, явно же держитесь христиан-

ства". И переменяли имя Алексею, нарекли его именем Абрам, жену же его нарекли Сарой.

После этого Алексей научил многих жидовству, в том числе зятя своего Ивашку Максимова и отца его попа Максима¹³, а также множество попов и диаконов, и простых людей. Денис же поп тоже многих научил жидовствовать, затем и протопопа Гаврилу Софийского¹⁴ жидовствовать научил и, кроме того, научил Гридю Ключа. А Гридя Ключ научил Григория Тучина жидовству, отец которого обладал в Новгороде великой властью¹⁵. И таким образом многих научили. И вот имена их: попа Григория и сына его Самсона; Гридю — дьяка Борисоглебского¹⁶, Давреша, Мишука Собаку, Васюка Сухого, Денисова зятя; да попа Федора, да попа Василия Покровского¹⁷, да попа Якова Апостольского¹⁸, да Юрку Семенова сына Долгова; да Авдея, да Степана — крылошан¹⁹; да попа Ивана Воскресенского²⁰, да Евдокима Лелюша, да диакона Макара, да дьяка Самоху, да попа Наума²¹, и других многих. И столько сотворили они беззаконий, сколько не было и от древних еретиков.

О, кто же подобающим образом восплачется о той беде, чей язык возглаголет о содеянном, чей слух с кротостью восприимет повесть об этом?!

Вот ведь Божественное Христово предвечное рождество от Отца ложным они нарекли и над вочеловечением Его, нашего ради спасения, надругались, говоря так: "Бог Отец Вседержитель не имеет ни Сына, на Святого Духа — единосущных и сопрестольных Себе, и нет Святой Троицы, а ежели книги свидетельствуют, будто Бог Отец Вседержитель имеет Слово и Дух, то речь в них идет о слове произносимом²² и о духе в воздухе разлитом²³; а кого писания называют Христом Сыном Божиим, то таковой еще не родился, когда же родится, тогда и назван будет сыном Божиим — и не по существу, но по благодати, как Моисей и Давид, и другие пророки; а о ком говорят христиане как о Христе Боге, то лишь простой человек, но не Бог и распят был иудеями, и истлел во гробе²⁴; именно поэтому, мол, подобает ныне закон Моисеев соблюдать". Еще же и так учили: "Неужели не мог Бог спасти Адама от ада и бывших с ним, и неужели не имел Он небесных сил, и пророков, и праведников, чтобы послать их исполнить желание Свое, но Сам сошел, будто нестяжатель и нищий, и вочеловечился, и пострадал, и этим перехитрил диавола, хотя не подобает Богу так поступать?" И многие хуления и уничижения возводили они на Божественную Церковь и на всечестные иконы, говоря, что не подобает поклоняться рукотворению и что не подобает изображать на святых иконах Святую Троицу, ибо Авраам, утверждали, Бога видел вместе с двумя ангелами, а не Троицу²⁵. И божественным иконам и честному Кресту запрещали поклоняться, одни из них бросая в нечистые и скверные места, другие зубами кусая, будто бешеные псы, прочие же ломая, иные же в огонь повергая; и при этом призывали: "Надругаемся над иконами этими так же, как жиды над Христом надругались!"

О скверные языки, о мерзкие и гнилые уста, богохульные те испутившие возглашения!

Тогда же подошла к концу и седьмая тысяча лет от сотворения всего мира. Еретики же говорили, что семь тысяч лет истекли и пасхалия кончилась, а второго Христова пришествия не случилось, и потому писания отеческие ложны²⁶, подобает их огнем сжигать. И не только отеческие писания хулили, но и апостольские, ибо вопрошали: "Чего ради нет второго пришествия Христова? Уже настала пора ему быть. Ведь апостолы писали, что Христос родился в последние времена, но уже тысяча и пятьсот лет прошло после Христова рождества, а второго пришествия все нет. Потому и апостольские писания ложны". Еще же и святого Ефрема писания хулили, ут-

верждая, будто ложны они. Ибо он писал, что уже Господь наш Иисус Христос грядет судить живых и мертвых и уже конец наступает, но после его писаний тысяча лет истекла, а второго пришествия нет. И не только святого Ефрема писания укоряли, но и все божественные писания отеческие укоряли. И не только писания, но и сам образ иноческий и жителство иноческое укоряли, говоря, что иноки уже отступили от пророческих, и от евангельских, и от апостольских заветов, и самоизмышлением и самоучением изобрели себе житие, и удалились от заповеди Божией сохранять обыкновения человеческие. Некоторые же утверждают так: “Если бы было иноческое жителство богоугодным, то и сам Христос и божественные апостолы пребывали бы во иноческом образе. Ныне же видим Христа, а также святых апостолов, написанными в мирском образе, а не в иноческом”. Некоторые же говорят: “Не от ангела святого предан был Пахомию образ иноческий, то есть схима! Если б — от ангела Божия, то светлым был бы тот образ; но поскольку он черен, то это — знак бесовского деяния”. Некоторые же извращают слова святого апостола Павла, который писал к Тимофею так: “Дух же речью глаголет, что в последние времена отступят иные от веры, внимая духам льстивым и учениям бесовским в лицемерии зловесников, сожженных своей совестью; запрещая жениться и требуя избегать еды, которую Бог сотворил, дабы вкушали ее с благодарением верные и познавшие истину” (1 Тим. 4, 1–3)²⁷. Еретики же говорят, будто это сказал святой апостол Павел об иноках, ибо они запрещают жениться и требуют от еды воздерживаться; и именно о таких написано: “Проклят всякий, кто не оставит семени в Израиле!” (Вт. 25, 9)²⁸. И не только до этого дошли скверные и нечестивые, но упивались и объедались; и во святой и великий пост, и во все святые посты, и в среду, и в пятницу мясо ели и блудом осквернялись; потом же в святую церковь шли и святую литургию совершали.

Как же не удивимся неизъяснимому Твоему, Слово, долготерпению, как неизреченной Твоей благодати изречем глубину!

Дерзнули другим скверные те люди великое и лукавое то учение извещать, и саму Деву Богородицу хулить, и великого Предтечу Иоанна, и святых апостолов, и мучеников, и преосвященных святителей, и преподобных богоносных отцов наших. И немало таковых сотворили сатаны первенцы, Алексей и Денис, в Великом Новгороде.

В лето же 6988-е (1480) прибыл князь великий Иоанн Васильевич в Великий Новгород, тогда и взял он Алексея попа в Москву на протопопство к церкви Пречистой Успения²⁹, а Дениса попа — к церкви Архангела Михаила³⁰.

Но кто без слез сумеет поведать о том, сколько и что сотворили эти скверные псы вместе со своими поборниками?! Ведь по пришествии в Москву они в этом великом и многолюдном городе сначала не смели делать ничего неподобающего, но таились, будто змеи в яме, и представляясь перед людьми святыми и кроткими, праведными воздержниками, тайно сеяли семена скверные; и немало душ погубили и в жидовство обратили, так что некоторые из народа бежали и обрелись в жидовскую веру, например Ивашка Черный — как по имени, так и по делам, и сотаинственник его Игнат Зубов³¹.

В лето же 6993-е (1484) поставлен был архиепископом Великого Новгорода и Пскова преосвященный Геннадий³². Возжжен он был, будто свет на свече, Божиим судом; будто лев, пущен был на злодейственных еретиков. Ибо произрос он из чащи Божественных Писаний и нисшел с высоких и прекрасных гор пророческих и апостольских учений. И потому бросился он растерзывать скверные утробы упившихся яда жидовского, зубами своими сокрушая и растерзывая их и о камень (веры) их разбивая. Те же пустились в бегство и пришли в Москву, где была у них защита. Ведь

Алексей протопоп и Денис поп уже многих людей обольстили и приобрели в помощь своей скверной жидовской вере. Среди же чернецов был там некто (кого не назову архимандритом, но осквернителем, радующимся калу блудному) по имени Зосима³³, подобный первому еретику Зосиме Черному³⁴, — так и его, окаянного со-вратили. Потом же привлекли к своей ереси чернеца Захара³⁵, потом от двора великого князя — Федора Курицына³⁶ да дьяков крестовых Истома и Сверчка³⁷, а от купцов — Семена Кленова³⁸. Федор же Курицын, и Истома, и Сверчок, и Семен Кленов многих научили жидовствовать. И большую свободу тогда имели перед державным протопопом Алексеем и Федором Курицын. Как никто другой. Ибо усердствовали они в изучении звездозакония, и многих баснословий, и астрологии, и чародейства, и чернокнижия. И потому люди к ним обратились и погрязли во глубине отступления, что явился прескверный сатана и нашел многих, имеющих в сердце землю, вспаханную и взрыхленную сладостями житейскими — тщеславием, и сребролюбием, и сластолюбием, и неправдою; рассеял он в них скверные свои плевелы — в скверноубийственных этих ехиднинных чадах, покусившихся на Милостивого и Сладчайшего моего Владыку.

О земля, о солнце! Как стерпели вы это?! Ведь неизменно оставались они в скверне хулы и поругания, изрыгая их мерзкими своими языками на едиородного Сына Божия, и на Пречистую Его Матерь, и на всех святых!

Происходило же это во времена Геронтия митрополита³⁹, потому что сам он, похристиански мудрствуя, нисколько не заботился о других, — погибающих — увы мне! — Христовых овцах в еретическом учении; или невежеством был удержан, или просто не радел о них, или боялся державного. Но вскоре Геронтий преставился.

Спустя же немного, в лето 6997-е (1489/90), Истома дьяк, сотаинственный дьявол, адов пес, ученик Алексея, растерзан был удою Божьего гнева, ибо скверное его сердце, жилище семи лукавых духов, сгнило и чрево его прогнило. И призвал он себе некоего врача. Тот же осмотрев его, сказал, что на нем Божий гнев и его не исцелить человеческого врачеванием. И так он в тяжких мучениях испустил свою скверную душу. Через некоторое же время и окаянный сатанин сосуд и диаволов вепрь, выскокивший из лесу и потерявший насаждения Христовы, — Алексей, говорю, протопоп, — извергнул свою скверную душу в руки сатаны, ибо настиг и его Божий суд. И одержим он был болезнею лютой, и поражен был мечом Божия суда*.

В лето 6999-е (1490), 26 сентября, по прошествии малого времени⁴⁰, преосвященный архиепископ Великого Новгорода и Пскова Геннадий направил послание к державному и к митрополиту Зосиме, ибо не ведал еще о злодействе скверных душ их⁴¹, и представил им многие истинные свидетельства на новгородских еретиков, которые находились в Новгороде и которые в Москву перебежали, — о хуле и о поругании ими божественных икон и честных животворящих крестов. И по повелению державного собрания епископы: архиепископ ростовский Тихон, и епископ Нифонт Суздальский, Симеон Рязанский, Вассиан Тверской, Прохор Сарский, Филофей Пермский⁴², и архимандриты, и игумены, и весь священный собор Русской митрополии. В лето 6999-е, 17 октября, обратились они к митрополиту Зосиме. Зосима же повелел** проклинать еретиков: новгородского протопопу Гавриилу, ибо умер уже тогда душою мерт-

* В краткой редакции добавлено: "Но перед смертью своей он волохованием надуумил державного, дабы тот поставил на великий престол святительский скверный сосуд сатанин, который он же наполнил ядом жидовским, — Зосиму, говорю, скверного. Что вскоре и случилось, в лето 6999-е, 26 сентября". Здесь и далее источником для русского перевода фрагментов "Сказания", отсутствующих в пространной редакции, но читающихся в краткой, послужил древнерусский текст краткой редакции, опубликованный Я.С.Лурье [17: 466–477].

** В краткой редакции: "...Зосиме, еще ведь не знали хорошо, что он был покровителем и учителем еретиков. Зосима же, притворяясь похристиански мудрствующим, повелел..."

жавному и к митрополиту Зосиме, ибо не ведал еще о злодействе скверных душ их⁴¹, и представил им многие истинные свидетельства на новгородских еретиков, которые находились в Новгороде и которые в Москву перебежали, — о хуле и о поругании ими божественных икон и честных животворящих крестов. И по повелению державного собрания епископы: архиепископ ростовский Тихон, и епископ Нифонт Суздальский, Симеон Рязанский, Вассиан Тверской, Прохор Сарский, Филофей Пермский⁴², и архимандриты, и игумены, и весь священный собор Русской митрополии. В лето 6999-е, 17 октября, обратились они к митрополиту Зосиме. Зосима же повелел** проклинать еретиков: новгородского протопопу Гавриилу, ибо умер уже тогда душою мерт-

вый протопоп Алексей, и попа Дениса Архангельского, и попа Максима Иоанновского⁴³, и попа Василия Покровского, и диакона Макара Никольского⁴⁴, и дьяка Гридю Борисоглебского, и Ваську, зятя Денисова, и Самоху, дьяка Никольского, и всех еретиков, которые также мудрствуют.

И одни из них посланы были от державного в Великий Новгород к архиепископу Геннадию. А он за 40 поприщ от Новгорода повелел посадить их на коней, в седла выючные, и одежду их выворотить на изнанку, и спиной повелел обратить их к головам конским, дабы зрели они на запад, во уготованный им огонь; а на головы их повелел возложить шлемы берестяные — острые подобно бесовским, а еловцы⁴⁵ у них чтоб были мочальными, а верхушки — соломенные с сеном вперемешку, а клейма на шлемах — с надписью чернилами: “Се, сатанино воинство!” И повелел он водить их по городу и чтоб встречные плевали на них и говорили: “Вот враги Божии и христианства ругатели!” Потом же повелел он сжигать шлемы прямо на головах их. И так поступил добрый тот пастырь, желая устрашить нечестивых и безбожных еретиков. И не только для них, но и для других ужаса и страха исполнено было это зрелище, дабы, на таковых смотря, они вразумились.

Некоторые же еретики осуждены были державными в заточение и изгнание. Денис же поп по проклятии и заточении обуян был вселившимся в него бесом гнусным и целый месяц, скверный, неистово орал на разные голоса — звериные и скотские, и всяческих птиц и гадюк; и с тем в злобе извергнул скверную и еретическую свою душу. Там же умер и Захар чернец, подобно Денису мудрствовавший*.

О, отлетели от нас птицы доброгласные, соловьи громкозвучные, ласточки сладкоглаголивые — божественные святители и великие чудотворцы Петр и Алексей, и прочие православные святители, которые посреди сада церковного возвещали внимающим учение Православия; отлетели будто орлы крылатые, когтями своими растерзавшие очи не видящих истинное попечение Христово; отлетели ко Христу те, кто крыльями своими покрывали верных множество; и оставили нас сиротами**.

И вот имена иных учеников Алексея протопопы и Дениса попа: Федор Курицын, дьяк великого князя, да Сверчок, да Ивашка Максимов, да Семен Кленов; и не мало было других, которые в тайне исповедовали многие ереси, с помощью десятословия жидовству учили, и саддукейскую⁴⁷ и мессалианскую⁴⁸ ереси соблюдали, и многие развращения творили. А в ком видели богомысли и Писаний Божественных разумение, тех сразу в жидовство воздерживались обращать, но отдельные места Божественного Писания — Ветхого и Нового Заветов — превратно им толковали и своей ересью соблазняли их, и баснословиям неким и звездозакониям по-степенно учили, и по звездам угадывать и предсказывать рождение и судьбу человеческую, а Писание Боже-

* В краткой редакции следом читается: “Но после рассечения и растерзания ад предварающих псов тех и сынов погибели, вскормленных ядом жидовским, еще великий сосуд злобы и головы содомского огня оставался, змий томглавный, огня геенского пища, Арий новый, Манента⁴⁶ злейший, сатанин первенец. Зосима прескверный. Как прежде сказано было, сел он, злодейственный на месте святом. И не мог удержать яда жидовского в скверном своем сердце, и на многих людей изверг его, и осквернил великий святительский престол Церкви Божией Матери, которую достождолжно называть земным небом, сияющим, как великое солнце в Русской земле, украшенной всяческими видами и чудотворными иконами, и мошами святых, так что если бы благоволил Бог посреди сотворенного Им жить, то жил бы только в ней. Ибо где же еще? Но здесь ныне пребывает черный ворон, извергает он очи у наслаждающихся житием суетным и уснувших в смерти душевной”.

** В краткой редакции следом читается: “Скверный же и злобесный волк облачился в пастырское одеяние и кого попроще находил, тех упивал ядом жидовским, некоторых же осквернял он содомитскими сквернами, змий пагубный; и сам объедался, и упивался, и свинской жизнью жил; и всякое бесчестие, и вражду, и смуту на непорочную христианскую веру навлекал; и Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога, хулил и говорил, будто бы Христос сам себя называл Богом; также и на Пречистую Богородицу многие хулы наговаривал; и божественные животворящие кресты в скверные места бросал; и святые иконы в огне сжигал, идолами их называя; и Евангельские предания, и апостольские уставы, и всех святых писания отрицал; и говорил так: “А что такое царство небесное? А что такое второе пришествие? А что такое воскресение мертвых? Ничего этого нет. Умер если кто, то умер. До той поры и жил”.

ственное презирать как не имеющее смысла и не нужное людям. Тех же, кто попросе, прямо жидовству обучали. И если кто и не обращался в жидовство, то все же многие научились от них Писания Божественные укорять, и стали на торжищах и по домам о вере спорить, и сомнение возымели.

И такое распространилось смущение среди христиан, которого никогда не было с тех пор, как солнце благочестия воссияло над Русской землей. Иноческий же чин, в монастырях и пустынях пребывающий, а также многие из мирян благородных и христоролюбивых укрепились сердцами, и многими скорбями и печальми душевными исполнились, и, будучи не в силах терпеть пагубную и богохульную бурю, со слезами горькими Бога молили, да упразднит пагубную ту жидовскую зиму, и согреет сердца памятью о единосущной Троице, и озарит истину, и да воссияет солнце благочестия. И кто как мог, так и старался о том, чтобы искоренить пагубные плевелы жидовские вместе со скверноплевелосеятелем. Одни обличили тех отступление и скверные дела⁴, и непрестанно обличали его и всем разясняли их еретичество и скверные дела; те же к державному обратились и их оклеветали; и тогда неповинные на заточение были осуждены державным — и скорби многие, и неволю, и темницы, и разграбление своих имений претерпели. Другие же сострадали таковым — хотя и не в изгнании, но в писаниях утешительных; и в их телесной нужде и ущемленности старались утешить их; а также против еретических речений опровержительные и обличительные ответы, на Божественном Писании основанные, посылали, еретикам противоборствуя.

И такой ради беды и я кое-что выбрал из Божественных Писаний в опровержение и обличение еретических суесловий. И пусть я невежествен и груб, но все-таки невозможно мне было ими пренебречь. Противно это моей воле. Ведь еще и Антиох, живший в лавре святого Саввы, звероподобных персов нашествие видя, воспринял таковое как благословенный повод и потому составил великую книгу — из Божественных Писаний изборник⁵⁰. Так же и святой Никон, живший в Антиохии на Черной горе, безбожных турок нападение зря, многое из Божественных Писаний выписал на пользу чужим⁵¹. Ныне же не персы и не турки, но сам диавол и все его воинство ополчились на Христову Церковь; будто звери дикие, не плоть человека пожирают и не кровью упиваются, но душу губят, перед которой и весь мир ничего не стоит. Потому да никто же меня не укорит, что во всяком слове своем обличал ерети-

чествующих и по-жидовски мудрствующих, — Алексея, повторю, протопопы, и Федора Курицына, и попа Дениса, и подобных им. Ибо так же и святые божественные отцы наши писали на древних еретиков и в многочисленнейших сочинениях обличали имена их и ереси их, для того чтоб известно стало древним народам, что таковых учения диавольским являются изобретением. Собрал и я воедино извлечения из различных Писаний Божественных, дабы знающие Божественные Писания, прочитав это, вспомнили их, а не знающие, прочитав, вразумились; и если кому понадобится опровергнуть еретические речи, да с Благодатию Божией нашел бы приготовленное для этого без труда в каждом слове...⁵²

⁴ В краткой редакции здесь читается:

“...Обличили его (Зосимы. — В.К.) отступление и скверные дела содомитские. Он же непримиримую борьбу с ними начал: некоторых от Божественного причастия отлучил, а кто был священником или диаконом, тех от священства отлучил, говоря, что не подобает осуждать ни еретика, ни отступника. Говорил же еще и так: “Если, мол, еретиком будет святитель или священник и если кого он отлучит и не благословит, то последует Божественный суд его суду”⁴⁹. Не знающие же Божественного Писания боялись обличать его отступление; начитанные в Божественном Писании знали, что не только осуждать надо еретиков и отступников, но и проклинать, не только проклинать, но и князям лютым подвергать”.

КОММЕНТАРИИ

¹ Здесь и далее цитаты из Священного Писания, приведенные преподобным Иосифом Волоцким, сверяются с русским синодальным переводом и с первопечатным славянским текстом [26] Библии. В данном случае преподобный Иосиф перефразирует библейский текст применительно к третьему Лицу Бога и, по-видимому, имея в виду Его неисчислимые (“бездна великая”) произволения (“судьбы”) о мире.

² В Древней Руси была принята система летосчисления от дней сотворения мира. Считалось, что таковое произошло за 5500 лет до рождения Христа (это — так называемая Александрийская эра). Однако в западно-христианской средневековой традиции счет лет вел от даты рождения Христа, полагая при этом, что последнюю отделяет от времени сотворения мира 5508 лет (согласно Византийской Царьградской эре). Независимо от того, какой системой пользовался преподобный Иосиф Волоцкий, он в любом случае допустил загадочную неточность, относя Крещение Руси к 6500 г. от С.М., а не в 6496 г., как указывали русские летописи.

³ Личность Схарии, от которого, по “Сказанию”, началась в Новгороде ересь, стала предметом принципиальных научных споров, продолжающихся до сих пор. Одни исследователи признают свидетельство преподобного Иосифа достоверным и считают Схарию реальной исторической фигурой, другие полагают, что волоколамский игумен прибег в данном случае к тенденциозному вымыслу с целью усиления обличительного пафоса своей критики еретиков, дабы убедительнее показать тождество еретического учения с иудаизмом. Основанием для этих споров служит факт отсутствия имени Схария в других древнерусских источниках, рассказывающих о ереси. Имются лишь косвенные данные. Так, в 1488 г. инок Савва (населник Троицкого Сennовского монастыря, находившегося на Корельском перешейке, в Вотской пятине Новгородской области) составил компиляцию выписок из различных противоиудейских сочинений — “Послание на жидов и на еретики”. В предисловии к “Посланию” Савва, обращаясь к Дмитрию Васильевичу Шенну, ходившему в 1487–1488 гг. послом Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею, писал: “И ты, господине Дмитрий, коли был еси послом и говорил еси с тем жидовином с Захариею с Скарюю. И я, господине Дмитрий, молнюя тебе: что еси от него слышил словеса добры или худы, то пожалуй господине, отложи их от сердца своего и от уст своих, якоже некоторое скардие” [31: 1]. Кроме того, по документам Крымского приказа известно, что примерно с конца 1482 — начала 1483 г. по апрель 1500 г. московский князь Иоанн III вел переговоры о переходе к нему на службу с неким — проживавшим то в Крыму, то в Черкассах — Захарией Скаррой или Захарией Гуил-Гурсисом, причем называл его в разные годы по-разному:

“жидовином”, “евреянином”, “таманским князем”, “черкасским”, “фрязином” [35: 41, 71–73, 77, 114, 309]. Наконец, последнее косвенное свидетельство о Схарии предоставлено святителем Геннадием, архиепископом Новгородским, который самолично обнаружил ересь, произвел розыск и стал первым обличителем этого учения перед великим князем и духовенством. В Послании митрополиту Зосиме, написанном в октябре 1490 г., он так писал о начале ереси: “А что которые литовские ока<я>нные дела прозбли в Русской земли... коли был в Новеграде князь Михайло Оленкович (Александрович. — В.К.), а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородской земли, а держали ее тайно... и аз послышив то, да от том грамоту послал” [17: 375]. Рассматривая приведенные данные, историки единодушно полагают, что у инока Саввы и в делах Крымского приказа речь идет об одном и том же лице — о Захарии Скаре Гуил-Гурсисе. Однако разногласия вызывает национальная и религиозная принадлежность последнего, а также вопрос о его отношении к “жидовину Схарии” Иосифа Волоцкого и к безымянному “жидовину” архиепископа Геннадия. В дореволюционной историографии крымский и черкасский житель Захария, как правило, отождествлялся с ересиархом Схарией, учившем в Новгороде в 1470–1471 г.; вслед за автором “Просветителя” считали, что последний действительно был евреем и действительно обращал православных новгородцев именно в “жидовскую веру”, или в ветхозаветное иудейство [25: 82–86; 7: 585–598]. В советской науке по этим вопросам высказывались различные мнения. Наиболее обстоятельно исследование Я.С.Лурье, Г.М.Прохорова и К.В.Айвазяна. Лурье, выражая недоверие к преподобному Иосифу, полностью отрицает реальное существование новгородского ересиарха Схарии; по убеждению ученого, автор “Просветителя” измыслил его, используя при этом Послания инока Саввы и архиепископа Геннадия. Что же касается Захарии Скарры Гуил-Гурсиса, то, оценивая наименование последнего в Крымских делах и в Послании инока Саввы “жидовином” и “евреянином” как ошибочное, возникшее в результате недоразумения, Лурье отождествляет этого “таманского князя” с упоминаемым в генуэзских документах Захарией Гвизольфи, итальянцем по национальности и католиком по вероисповеданию. Таким образом снимается вопрос об иудейских корнях ереси жидовствующих [24: 129–188]. Прохоров полагает, что и Схария преподобного Иосифа Волоцкого, и Захария Скара, или Захария Гуил-Гурсис Крымских дел и Послания Саввы, и Захария Гвизольфи генуэзских документов — одно лицо, выступавшее под различными именами. По происхождению этот Захария был

Грешного инока Иосифа
сказание о новоявившейся
ереси...

полунатальянцем-получеркесом, поэтому его называли то “фрязином”, то “черкесином”; а по вере он был караимом, поэтому именовался то “жидовином”, то “евреянином” [33]. Наконец,

Айвазян приходит к выводу, что Захария Гвизольфи вообще не имел никакого отношения ни к ересиарху Схарии, ни к Захарии Скаре Гуил-Гурсису, тогда как два последних имени относятся к одному и тому же лицу. В 1470 г. в Новгород вместе с русско-литовским князем Михаилом Александровичем действительно приезжал “жидовин Схария” — тот самый, который позднее переписывался с Иоанном III и упоминался иноком Саввой. Однако он не был евреем и не исповедовал иудаизма. Преподобный Иосиф намеренно “евреизировал” его имя — Скара, чтобы придать большую убедительность своим обвинениям еретиков в отпадении в “жидовскую веру”. На самом деле Скара был армянином и держался распространенного в Венгрии, Валахии и Польско-Литовском княжестве павликианства — “армянской ереси”, близкой или даже тождественной зародившейся в Новгороде с кон. XIV в. и сохранявшейся в XV в. ереси стригольников. Кроме того, Айвазян, рассматривая принципиальный вопрос о трактовке, употребляемой Иосифом Волоцким применительно к ереси и еретикам терминологии, в частности термина “жидовин”, и при этом опираясь на мысль Прохорова о том, что в средние века людей определяли скорее “по их вере, чем по крови”, полагает, будто в Древней Руси слово “жидовин” использовали не в этническом смысле, а в религиозном. Отсюда армянина-павликианца Захария Скару называли “жидовином” по сходству исповедуемого им учения с иудаизмом, но не потому, что он был евреем. Подобное происходило и с другими лицами [1]. Однако такому взгляду противоречат данные лексикографии. Согласно последним, слова “жид”, “жидовин” во многих древнерусских переводных и оригинальных текстах употреблялись именно и прежде всего в смысле их этнического содержания, а производные от них слова — “жидовитися”, “жидовствовать” и др. — в вероисповедническом смысле [44, 1: 870–871; 39, 5: 107–108]. Это обстоятельство позволяет усомниться в правомерности отнесения “жидовина Схарии” к какой бы то ни было национальности и вере кроме еврейской. Несомненно, преподобный Иосиф (как и другие древнерусские писатели), говоря “жидовин”, подразумевал все же еврея и по крови и по вере. Между прочим, косвенное подтверждение такого вывода — именование крымского адресата Иоанна III “князем”. Дело в том, что у евреев, в частности у фарисеев, долго сохранялся древний обычай, по которому применительно к законоучителям — гиллелитам — использовали титул “князь” — “наси” [12, 11: 548]. Этого обычая держались и наследники фарисеев каббалисты. Так, в кон. XIII в. в Толдо местные каббалисты называли князем — в знак особого уважения —

каббалиста же Тодроса бен Иосифа Абулафию [12, 9: 37]. Так что если жидовин Схария, согласно преподобному Иосифу, совративший новгородцев в ересь, действительно был каббалистом и действительно тождествен адресату Иоанна III, “жидовину” и “евреянину” Захарии Скаре, то обращение к нему ~~так же~~ как к “таманскому князю” неудивительно и объяснимо. И последнее. Вряд ли вообще справедлив и основателен известный скепсис по отношению к свидетельствам преподобного Иосифа. Думается, жидовин Схария все-таки реальная историческая фигура. Этого, кстати, не отрицают и еврейские ученые. Больше того, они полагают даже, что появление Схарии в Новгороде, как и легкое усвоение новгородцами распространявшейся им ереси, было вполне закономерно и обусловлено рядом культурно-исторических причин [12, 7: 577–582].

⁴ Речь идет об оккультных знаниях, сурово осуждаемых в средние века. “Чародейство” — мнимое искусство с помощью магических приемов, колдовства вызывать различные явления, в том числе сверхъестественные, управлять природой, предугадывать будущее. Средствами чародейства служили заклинания, заговоры, талисманы, амулеты, кольца, венки, части тела животных, “приворотные” снадобья. “Чернокнижие” — умение колдовать по “черным” книгам, или сборникам, содержащим в себе каббалистические знаки, формулы заклинаний, заговоров, магические рецепты, суверенные приемы, рекомендации к изготовлению амулетов и талисманов и пользованию ими, разъяснение снов и прочее. “Звездозаконие” — собственно “астрономия” (греч.). В Древней Руси этим термином, по-видимому, чаще пользовались применительно к мистическому учению о звездах, астрологии [39, 5: 347]. “Астролог” — книга по астрологии [39, 1: 56]. В Древней Руси бытовали различные сочинения астрономо-астрологическо-гадательного содержания — Лунники, Альманахи, Космографии, Шестокрылы и т.п. Все они относились к разряду “отреченных книг”, т. е. бесполезных, предосудительных, уводящих от Божественной истины [49: 106].

⁵ Имена князей, составивших одну из ветвей в потомстве великого князя литовского Гедимина, род которого считался на Руси вторым по знатности после Рюриковичей.

⁶ В средние века счет времени вели не только исходя из различных представлений о времени сотворения мира и времени рождения во плоти Иисуса Христа, но также исходя из различных представлений о начале календарного года: как известно, византийский — и гражданский и церковный — год начинался с сентября; у южных славян и на Руси примерно до XIV в. держались более древней традиции, начиная новый год с марта, но уже в XVI в. господствующим здесь становится сентябрьский год; одновременно в западно-русских землях, в зоне соприкосновения православных с католическим миром, принят был январский год. Данное обстоятельство вызывает известные трудности при согласовании древне-

русских дат от сотворения мира с современным летосчислением от Рождества Христова. Применительно к Московской Руси чаще всего приходится делать перевод с сентябрьского, церковного счета на январский, гражданский. В научной хронологии при этом следует вот какому правилу: если то или иное историческое событие происходило в сентябре—декабре, то коэффициентом разницы служит число 5509, отнимая его от старой даты, получают точный год в исчислении от рождества Христова; если же какое-либо событие происходило в январе — августе, то вычитают число 5508; так же поступают, если древнерусская дата лишена указания на месяц.

Согласно новгородско-псковскому летописанию, Михаил Александрович, киевский князь и вассал польского короля Казимира IV, прибыл в Новгород, будучи приглашенным новгородцами в наместники, в ноябре 1470 г., сразу после смерти святителя Ионы, архиепископа Новгородского, но в марте 1471 г., как только умер его брат и соправитель Семен, вернулся в Киев. Известно, что Михаил воспитан был в Православии и по матери приходился двоюродным братом великому князю московскому Иоанну III. Небезынтересно также и то, что он пребывал в родстве с женой сына Иоанна III, Ивана Ивановича Молодого, Елены Стефановны Волошанкой. Она была его племянницей. Эти факты проясняют любопытную связь: по свидетельству Иосифа Волоцкого, ересь жидовствующих зародилась в ближайшем киевском окружении Михаила Александровича, а его родственники — и Иоанн III, и Елена Стефановна, и Иван Иванович — впоследствии весьма благоволят еретикам.

⁷ Иоанн III Васильевич (1440–1505), великий князь “всех Руси”. В период его княжения Московское государство окончательно освободилось от татарского ига и значительно усилилось за счет присоединения Новгорода и Новгородской области, ряда удельных княжеств (Тверь, Ярославль и пр.) и литовских земель (Чернигов, Стародуб и пр.). Вторым браком Иоанн III был женат (с 1472) на племяннице последнего византийского царя Зое (Софье) Палеолог. Это дало основание русским книжникам для развития идеи о царском достоинстве русских великих князей. По политическим соображениям Иоанн III покровительствовал еретикам, поскольку их антицерковные настроения идейно подкрепляли его настоятельное стремление присоединить к государственной казне церковно-монастырские земельные владения. Но в конце жизни, так и не сумев одолеть сопротивления православных его секуляризационным планам, охладел к сторонникам ереси и способствовал их осуждению на церковном соборе 1504 г.

⁸ Имена еретиков, указанные преподобным Иосифом в “Сказании”, встречаются и в других противоеретических текстах. Но подробных биографических сведений о еретиках источники не содержат. О Денисе известно, что он умер вскоре после церковного собора 1504 г.

⁹ Алексей умер до собора 1490 г. Об этом в октябре 1490 г. свидетельствовал святитель

Геннадий в своем послании к митрополиту Зосиме [17: 376].

¹⁰ Михайловская улица находилась на Торговой стороне Новгорода, в Словенском конце. Алексей, видимо, служил тогда в одной из двух имевшихся здесь церквей — Архистратига Михаила (построенной в 1302) или Благовещенской (построенной в 1362).

¹¹ Литовское княжество образовалось в 50-е гг. XIII в. Уже тогда в его состав вошла часть русской территории, например города Гродно, Пинск, Полоцк, Витебск; данью был обложен Смоленск. И впоследствии Литва усиливалась за счет присоединения новых русских земель. В XIV в., при Ольгерде, в ее пределы влились Брянское, Северское, Черниговское княжества, Подольская и Киевская земли, некоторые из Волынских уделов. При этом примкнувшие к Литве русские территории сохраняли свою самостоятельность и самобытность. Между прочим, литовские князья постоянно стремились утвердить свое влияние также в Новгороде и Пскове. В XV в. начался процесс объединения Литвы с Польшей, завершившийся в 1569 г. образованием Польско-Литовского государства. Что касается религиозной жизни Литвы, то в XIV–XV вв. приоритетом здесь обладало Православие. Правда, со стороны Литовской епархии неоднократно предпринимались попытки обособиться от Московской митрополии. И в конце концов это удалось: в 1458 г. была создана самостоятельная западно-русская митрополия с центром в Киеве, а первосвященитель литовский получил титул митрополита “киевского, литовского и всей нижней России”.

¹² В рукописях эти имена перечисляются без четкой пунктуации: “Осиф Шмойло Скаравей. Мосей Ханушъ”. Это стало основанием для сомнений относительно числа явившихся в Новгород “иудеев”: “Пришло не более пяти человек, — полагал Е.Е. Голубинский, — но не менее ли, и если менее, то сколько именно, остается неизвестным” [7: 560]. Однако большинство исследователей считают, что у Иосифа речь идет лишь о двух лицах. К сожалению, в других русских источниках о них вообще нет информации, возможно потому, что их пребывание в Новгороде, как и “жидовина Схарии”, было краткосрочным.

¹³ О Иване Максимове известно, что он “в жидовство свел” сноху Иоанна III Елену Стефановну Волошанку. Поп Максим был осужден собором 1490 г.

¹⁴ Вероятно, Гаврила был настоятелем знаменитого в Древней Руси Софийского кафедрального собора в Новгороде. Сохранившееся до наших дней здание этого храма возведено в 1045 г., при князе Владимире Новгородском, сыне Ярослава Мудрого. Освящена церковь во имя Софии Премудрости Божией в 1052 г., в год смерти Владимира.

¹⁵ Известно, что Григорий Михайлович Тучин был новгородским боярином [17: 506].

Грешного инока Иосифа
сказание о новоявившейся
ереси...

¹⁶ Самсон вместе с другими еретиками перебрался в Москву. Здесь в 1488 г. был осужден церковным собором на "градскую казнь", затем отправлен в Новгород к архиепископу Геннадию для

"розыска", в ходе предпринятого Геннадием расследования покаялся и дал показания, в частности впервые свидетельствовал о Федоре Курицыне как еретике. Гридя (Григорий), видимо, служил дьяконом в церкви Бориса и Глеба, которая находилась на Торговой стороне Новгорода, в Плотенском конце, на Запольской улице (построена в 1377). Относительно Гриди собор 1488 г., кроме показаний на него, данных попом Наумом, других свидетельств не нашел. Поэтому он без наказания был отправлен в Новгород к архиепископу Геннадию для специального розыска. Но собор 1490 г. уже обличил и осудил его как еретика.

¹⁷ Василий Покровский мог служить в одной из двух новгородских церквей Покрова Богородицы: одна располагалась в Кремле, на юго-западной стороне от Софийского собора (построена в 1305); другая являлась соборным храмом Зверина Покровского монастыря (построена в 1335). Соборным приговором 1490 г. Василий был отлучен от церкви.

¹⁸ В Новгороде было несколько церквей, которым соответствует название "Апостольской" и где мог служить Яков; две находились на Софийской стороне: Апостолов Петра и Павла — в Неревском конце, за Земляным валом, на Панской, впоследствии Зверинской улице (построена в 1406) и Двенадцати апостолов — между Чудинской и Прусской улицами, у большого Земляного вала, в саду архиерейского дома (известна с 1230); на Торговой стороне также было две церкви: Апостолов Петра и Павла — в Словенском конце (возникла не позднее XII в.) и апостола Филиппа — в прежнем Словенском конце, на Нутной, впоследствии Никольской улице (построена в 1383).

¹⁹ Крылошанин — то же, что клирошанин; в древнерусском употреблении имело два значения: по первому — священно- или церковнослужитель, член клира; по второму — младший член церковного причта, певчий, чтец [39, 8: 95].

²⁰ В Новгороде имелись три церкви Воскресения Христова: 1) на Красном поле, к востоку от Торговой стороны, на окраине Плотнического конца (основана в качестве монастырской в 1415); 2) соборная в Воскресенском женском монастыре, близ Новгорода, на Софийской стороне, у озера Мячина (построена в 1196); 3) соборная в Воскресенском Деревяницком мужском монастыре, на берегу Волхова, к северу от Новгорода (возведена в 1348).

²¹ Макар и Самоха осуждены собором 1490 г. и отлучены от Церкви. Поп Наум известен тем, что именно благодаря его покаюнию святитель Геннадий Новгородский узнал о существовании ереси и еретиков. Как следует из послания Геннадия епископу Сарскому Прохору (1487), Наум не только раскаялся, но и, представив еретические "тетради", рассказал, как еретики

"молились по-жидовски" и как ими были "превращены псалмы на их обычай" [17: 309–312].

²² По-видимому, последователи Схарии, отрицая учение о Божественной Троице, не признавали святоотеческой экзегезы, например, новозаветного откровения: "В начале было Слово, и Слово было у Бога. И Слово было Бог... И Слово стало плотью..." (Ин. 1.1.14). В христианском понимании здесь термином "Слово" определено второе лицо Троицы — Сын Божий, Христос, от вечности пребывающий с Отцом и воплотившийся для спасения человечества. Однако, согласно преподобному Иосифу, на Руси имело место неправославное восприятие этого и подобных текстов Священного писания, — вероятно, в духе антиитринитариев-динамистов III в. Так, один из них — Павел Самосатский, утверждая, "что Слово Божие не имеет ни субстанционального, ни личного бытия, не совечно Отцу", учил о нем как о "Слове произносимом, то есть как бы о некотором движении воздуха" [16: 452]. Это — почти буквальное совпадение с рассуждениями русских еретиков.

²³ В христианском понимании словом "Дух" в Священном писании означает прежде всего третья ипостась Божественной Троицы — Дух Святый (Быт. 1, 2; 6, 3), творческая и промыслительная сила, которой Бог оживотворяет, пробуждает и укрепляет все сущее (Быт. 2, 7; Иов. 27, 3; 33, 4; Ис. 42, 1, 6), которая предвечно исходит от Бога Отца (Ин. 15,26), пребывает в Сыне (Рим. 8, 9), посылается в мир от Отца Сыном (Ин. 15, 26). Но, как видно, еретики отвергали такое — ипостасное — толкование понятия Духа и изыскивали последнее, опираясь на ветхозаветную традицию, как ветер ("дух в воздухе разлиты") — таинственную силу: то сокрушительную (Иез. 13, 13; 27, 26), то ласкающую (3 Цар. 19, 12), то иссушающую (Исх. 14, 21), то животильную (3 Цар. 18, 45).

²⁴ В данном пункте рассуждения еретиков восходят к древнейшим ересям "лжепророков". Известно, что уже в конце I в. н.э. были в ходу подобные измышления, опиравшиеся на мессианские идеи иудейских писателей и отрицавшие веру в то, что Иисус был Сыном Божиим, "пришедшим во плоти". Против таких принципиально антихристианских умонастроений непримиримо боролся апостол Иоанн Богослов: "Многие обольстители, — писал он, — вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист" (2 Ин. 7. Ср.: 1 Ин. 2, 22; 4,2–3).

²⁵ Здесь преподобный Иосиф, выставляя данное утверждение еретиков в вину им, к сожалению, не берет во внимание данных историко-богословского свойства. Дело в том, что относительно библейского рассказа о гостеприимстве Авраама (Быт. 18), который послужил литературной основой для развития, в частности, троический иконографии, не было единства мнений еще у святых отцов и учителей Церкви. Во всяком случае, к VI в. в патристической литературе определились и параллельно существовали три точки зрения по этому поводу. Одни экзегеты

(св. Иустин Философ, Ириней Лионский, Афанасий Великий и др.) полагали, что в трех явившихся Аврааму мужах надлежит усматривать трех ангелов; другие (св. Иоанн Златоуст, Феодорит Киррский, Августин Блаженный, Григорий Великий) в трех гостях Авраама видели Бога — чаще Сына Божия Иисуса Христа — и двух его ангелов; наконец, трети (св. Кирилл Александрийский, Максим Исповедник, Амвросий Медиоланский) полагали, что Аврааму в виде трех посетителей был явлен образ Пресвятой и единосущной Троицы. Эта разноречивость толкований одного и того же эпизода библейского повествования отразилась также в гимнографии и иконографии (см. подробнее замечательную статью прот. Николая Озолина “Троица” или “Пятидесятница”? [47: 375–384]). Таким образом, воспроизводимое и критикуемое преподобным Иосифом Волоцким мнение еретиков о недопустимости изображать Божественную Троицу исходя из тринитарного понимания рассказа о гостеприимстве Авраама на самом деле было не столько еретическим, сколько с одной стороны отражающим старую эзегетическую традицию, а с другой — не соответствующим — внешне — более поздней практике, утвердившейся в русском именно церковном обиходе.

²⁶ В Древней Руси под влиянием эсхатологических представлений, зафиксированных в некоторых византийских сочинениях (апокрифических — “Откровение” Мефодия Патарского, святоотеческих — “Диоптра” или “Зерцало” Филлипа Пустынника, агиографических — Житие св. Андрея Юродивого, исторических — “История” Льва Диакона), верили, что “второе пришествие” Христа, знаменующее собой начало на земле Царства Божия, свершится ровно через 7000 лет после сотворения мира. Соответственно, это должно было произойти в 1492 г., которым и заканчивались древнерусские пасхальные расчеты. Поскольку в тот год ничего не случилось, еретики подвергли резкой критике веру вообще во “второе пришествие”, а заодно и писавших на данную тему церковных авторов, в частности св. Ефрема Сирина.

²⁷ Преподобный Иосиф Волоцкий здесь и далее воспроизводит текст Священного Писания не вполне точно (ср. С “Острожской Библией” [26]). С ним он вообще, подобно другим древнерусским писателям, обращается довольно свободно, смело изменяя по необходимости его структуру — как грамматико-синтаксически, так и лексико-семантически (разновидность самостоятельного литературного творчества). При переводе таких библейских цитат переводчик, следуя тексту, заданному преподобным Иосифом, конечно же, учитывал опыт синодального русского перевода Библии.

²⁸ Известная по святоотеческой литературе парафраза библейского текста. Встречается, например, у св. Иоанна Дамаскина [36: 157].

²⁹ Успенский собор в Кремле. Основан в 1326 г. московским князем Иваном Калитой. В 1479 г. заново построен по образцу Владимирского Успенского собора мастером из Венеции Аристотелем

Фиораванти. Здесь хранились главные государственные святыни, покоились мощи русских пресвятителей.

³⁰ Архангельский собор в Кремле. Основан в 1333 г. Иваном Калитой. В 1508 г. перестроен “фрязином” Алевизом Новым. Служил усыпальницей московских великих князей и царей.

³¹ Иван Черный — московский писец. Сохранилось несколько переписанных им и при его участии книг: “Летописец Еллинский и Римский”, “Лествица” Иоанна Синайского, “Библейский сборник”. Игнат Зубов — купец. Оба были связаны с еретиками и, боясь наказания, бежали между 1487 и 1490 гг. в Литву. Там и тот и другой вскоре умерли, еще до начала церковного собора на еретиков 1490 г. [38.2.1: 393–394].

³² Святитель Геннадий (Гонзов). Окормлял Новгородскую епархию с 1484 до 1504 г. Первым обнаружил ересь и начал борьбу с еретиками. К этому же в ряде посланий 80–90-х гг. XV в. призывал наиболее видных русских иерархов, причем был сторонником жестких мер. Опасаясь распространения еретических умонастроений в обществе, заботился о просвещении и повышении уровня образованности духовенства. С этой целью собирал и изучал бышую в ходу у еретиков литературу, создал в Новгороде литературный кружок, силами которого были написаны несколько антиеретических сочинений (это прежде всего послания самого Геннадия 1487–1490 гг. — епископам Прохору Сарскому и Нифонту Суздальскому, архиепископу Иоасафу, бывшему Ростовскому митрополиту Зосиме и собору епископов; а также грамота Геннадия “о пасхалии на осьмую тысячу лет” и предисловие к пасхалии — 1492 г.; трактат Дмитрия Траханиота “О летах седьмой тысячи” — 1489 г.; сочинение доминиканца Вениамина “Събрание от божественного писания, от Ветхаго и Новаго, на лихоимцев”), осуществлены переводы ряда богословских и полемических трактатов (так, Вениамин перевел итальянское религиозно-нравственное сочинение XII в. “Флорес дарованиям и злобам”, Дмитрий Герасимов перевел с латинского антииудейское сочинение Николая де Лиры и Самуила Евреина). Составлен первый в России и среди славянских народов вообще полный свод книг Священного Писания в переводе на славянский язык (“Геннадьевская Библия”, 1499). Умер в 1505 г. в опале [38.2.2: 145–146].

³³ Зосима Брадатый — предстоятель Русской Православной Церкви с 1490 по 1494 г. Сразу после поставления в митрополита вся Русь возглавил церковный собор (1490), отцы которого осудили и отлучили от Церкви нескольких еретиков. Однако вскоре сам был заподозрен в еретичестве и отправлен на покой. Зосима считается автором двух литературных памятников — “Соборного приговора и поучения против еретиков” (1490) и “Изложения пасхалии” (1492). Им обоснована теория о перемещении центра Правосла-

вия из Константинополя в Москву, в XVI в. переработанная русскими писателями на теорию “Москва — третий Рим” [38, 2, 1: 364–367].

³⁴ Прозвище “Черный” указывает здесь на принадлежность его носителя к монашеству. Вероятно, имеется в виду русский еретик XIII в. По сообщению Софийской первой летописи, в Ярославле в 1262 г. был убит некий “Зосима преступник”, посол татарского царя Кутлбегя, за то, что он, прикрываясь обликом монаха, явил себя “сосудом” сатаны, “пьяницей”, “студословцем и празднословцем”, “хоцюнником”, отвергшимся от Христа и вступившим “в прелесть” ложного “пророка Махмета”, “бессерменином”, поносившим крест и “святыя церкви” [29:190].

³⁵ Захар — игумен Успенского Немчинова монастыря в Псковской области. Примерно в 1486 г. святитель Геннадий новгородский уличил его в отпадении в ересь “стригольничества”. По свидетельству Геннадия, Захар сам не причащался в течение трех лет и своих монахов не допускал к причастию, считая, что причащаться не у кого, поскольку “попы” и архиереи возводятся в сан “по мзде” (за деньги). Это давало повод обвинять его в непризнании священства. Церковный собор 1490 г. осудил также Захара как первого среди еретиков за “хулу” на Иисуса Христа, Богоматерь, святых и постановления семи Вселенских соборов. Он был отлучен от Церкви, сурово наказан и вскоре после собора 1490 г. умер.

³⁶ Курицын Федор Васильевич — посольский дьяк великого князя Иоанна III, видный государственный деятель. В 1482–1484 гг. ездил с посольством в Молдавию (Валахию) и Венгрию, затем до осени 1485 г. находился с посольством в турецком плену. Предполагают, что во время пребывания за границей Курицын мог познакомиться с “жидовином Схарней”. По возвращении в Москву он стал главой московских еретиков. Однако решения собора 1490 г. его не коснулись, так как он был близок не только к Иоанну III, но и к его невестке — молдавской княжне Елене Стефановне. Умер Курицын не ранее 1500 г. С его именем связывают два литературных текста: “Лаодикийское послание” — созданное, возможно, под влиянием “алфавитной мистики”, каббалы и криптографической традиции, а также “Сказание о Дракуле воеводе” — беллетристическое сочинение о жестоком, но справедливом влестителе [38, 2, 1: 504–510].

³⁷ В некоторых списках “Сказания” к выражению “дьяков крестовых” добавлено: “великого князя” [17: 471]. Принято думать, что Истома и Сверчок были дьяками (чиновниками) Иоанна III. Однако термин “дьяк крестовый” может означать и священнослужителя — диакона крестовой, т.е. домово́й церкви [39, 8: 45]. Кроме того, об Истоме известно, что он умер еще до церковного собора 1490 г.

³⁸ Семен Кленов имел даже какие-то еретические сочинения. На церковном соборе 1504 г. он был осужден и отправлен на покаяние в монастырь к преподобному Иосифу Волоцкому. Пос-

ледний оценил подобное наказание как слишком мягкое и к тому же опасное для неискушенной монастырской братии и увещавал Иоанна III применить к еретикам более жесткие меры.

³⁹ Геронтий — митрополит всея Руси с 1437 по 1489 г. Отношение к нему со стороны Иоанна III было неприязненным. Противником Геронтия — прежде всего из-за спора по вопросу о направлении крестного хода вокруг храма — был также и архимандрит Чудова монастыря Геннадий (Гонозов). Очевидно поэтому начатая последним в 1487 г. (уже тогда Геннадий стал Новгородским архиепископом) борьба с ересью жидовствующих не нашла поддержки в лице Геронтия.

⁴⁰ Здесь — хронологическая неувязка: дата “26 сентября” относится к акту поставления в митрополиты всея Руси Симоновского архимандрита Зосимы, а фраза “по прошествии малого времени” — к моменту составления Геннадием послания к великому князю и митрополиту.

⁴¹ В настоящей — пространной — редакции “Сказания” преподобный Иосиф констатирует, что ересью, наряду с митрополитом Зосимой, был прельщен и Иоанн III. Однако в краткой редакции подразумевается только Зосима: “о злодействе скверной души его”. — Выделено мной. — В.К.

⁴² Тихон (Малышкин) был Ростовским владыкой с 1489 по 1503 г. Нифонт окормлял Суздальскую епархию с 1848 по 1508 г. Известны послания к нему о еретиках от архиепископа Новгородского Геннадия (1488) и от игумена Иосифа Волоцкого (1489 или 1490). Симеон — епископ Рязанский с 1481 г., умер в 1496 г. Вассиан — князь Стригин-Оболенский, Тверской епископ с 1477 г., умер в 1508 г. Известно раннее послание к нему преподобного Иосифа “О Троице”, написанное, когда Вассиан был еще архимандритом Тверского Отроча монастыря. Прохор — епископ Сарский (Сарайский, Крутицкий) с 1471 по 1492 г. Известно послание к нему о еретиках от святителя Геннадия (1487). Филофей — епископ Пермский (и Вологодский) с 1471 по 1501 г.

⁴³ Максим, видимо, служил в церкви Иоанна Богослова, построенной на Торговой стороне Новгорода в качестве соборной монастырской в 1384 г.

⁴⁴ Макар мог служить в одной из трех новгородских церквей: 1) Святителя Николая на Софийской стороне, близ Зверина Покровского монастыря (основана в 1135); 2) Николо-Дворищенском соборе на Торговой стороне (заложена в 1113); 3) Николаевской “на Липне”, у устья р. Мсты (основана вместе с мужским монастырем в нач. XII в.).

⁴⁵ Еловец — флажок, лоскуток ткани, султан на шлем.

⁴⁶ Манента, — вероятно, искаженное воспроизведение имени ранневизантийского еретика Манеса, или Манета. В соборном послании архиепископа Иерусалимского Софрония к патриарху Константинопольскому Сергию, которое было зачитано на VI Вселенском соборе, наряду с другими еретиками, предан анафеме и некий “Манес, сомнительный своей безбожной манией” [10: 337].

В анафематствовании VII Вселенского собора, видимо, он же оглашается как Манет, причем причислен здесь к еретикам “фантазистам и доктам” [11: 611]. Таким образом, “Манента”, исповедуя призрачность, ирреальность телесного пребывания Бога Сына в земной жизни среди людей (эта ересь была распространена II–III вв.), отрицал главные догматы христианства: о действительном воплощении Спасителя, рождении Его от Девы, страдании, смерти, воскресении во плоти; иными словами, он отрицал богочеловечество Христа и не признавал Пречистую Марию Богородицей. Любопытно, что в 1-м Слове “Просветителя” преподобный Иосиф вновь упоминает Маненту и при этом с уточнением: называя его “духоборцем”, т.е. отрицателем Духа Святого как третьей ипостаси Божества.

⁴⁷ Саддукеи — древнееврейская религиозная секта или партия, во время благовестия Христова объединявшая высших лиц иудейской церковной иерархии, священническую аристократию. По отношению к писанию, преданию и религиозным обрядам иудеев саддукеи допускали скептицизм и рационализм. Они признавали волю человека абсолютно свободной, отрицали бессмертия души и воскресение мертвых, а также существование ангелов и злых духов, учили, что в будущем веке не будет ни вечного блаженства для праведников, ни вечных мук для грешников, и потому еще при жизни стремились обрести благополучие и богатство. Саддукеи были наиболее яростными врагами Христа, а впоследствии — иерусалимской Церкви и первых христиан [4: 614; 40: 14–15].

⁴⁸ Мессалиане, или свхиты (“молящиеся” — греч.) — во втор. пол. IV в. монахи-отшельники в некоторых христианских монастырях Сирии, Армении и Малой Азии. Не признавая церковной иерархии, таинств и обрядов, мессалиане вместе с тем исповедовали и практиковали восторженность и экстаз как главное, благотворное условие молитвенного делания. Они были убеждены, что человек от рождения находится во власти злого духа, однако с помощью специальных и непрерывных молитв его можно изгнать и таким образом освободить тело от страстей, а душу — от стремления к злу; в этом новом состоянии человек освобождается от греха, входит в осязаемое общение с Богом и может даже предвидеть будущее. Кроме того, мессалиане заблуждались относительно догмата о Троице: лица Отца, Сына и Духа не трактовали лишь как формы проявления одного и того же Божества [40: 281–282]. Учение мессалиан было осуждено как ересь на третьем Вселенском соборе (Ефес. 431).

⁴⁹ Иначе говоря, “Божественный суд” будет таким же, как суд еретика. Отсюда следует, что даже если священнослужитель и попадает в ересь, он все равно является проводником воли Божией. Такой вывод, естественно, должен был рассматриваться православными как богоулыство.

⁵⁰ Антиох — монах, писатель, богослов греко-восточной Церкви (кон. VI–VII вв.). Около 620 г. составил для монахов книгу “Пандекты” — сборник бесед по различным вопросам христианской нравственности. В нем с привлечением

текстов из Священного Писания и сочинений отцов Церкви речь идет о вере, надежде, посте, девстве, гнсе, ненависти, праздности, честолюбии, гордости, смирении, милосердии, труде, бедности, любви к Богу и ближним и т.д. На славянский язык “Пандекты” были переведены в Болгарии в X в., древнерусским книжникам стали известны с XI в. [38,1: 290–292].

Лавра Святого Саввы — монастырь в Палестине, близ Иерусалима. Основан в 484 г. преподобным Саввой Освященным.

Первое нашествие — имеется в виду взятие в 614 г. Иерусалима персидским царем Хозроем.

⁵¹ Никон Черногорец — писатель греко-восточной Церкви. Жил в XI в., был монахом Богородицкой обители на Черной горе в Сирии, затем священником и диаскалом (проповедником). Наиболее известны два его сочинения: “Пандекты” (составленный в подражание “Пандектам” Антиоха сборник выписок из творений отцов Церкви, соборных постановлений и других сочинений, посвященных правилам и порядку иноческой жизни) и “Тактикон” (сборник выписок из текстов, содержащих учение о Церкви, о церковной дисциплине и т.п.). Первая книга получила известность в Древней Руси, видимо, с XIII в., вторая — с XIV в. [38,1: 292–294]. В “Сказании”, вероятно, подразумевается “Тактикон”, поскольку здесь наряду с каноническими статьями, читались рассказы и о борьбе христиан с сарацинами, или турками.

Никон Черногорец никогда не был канонизирован. Преподобный Иосиф Волоцкий называет его святым, может быть принимая во внимание значимость его сочинений для христиан.

⁵² Далее в тексте “Сказания о новоявившейся ереси” следует оглавление ко всей книге “Книге на новгородских еретиков”, которое здесь опускается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян К.В. Ересь арх. Захария Скара и крымско-литовские армяне // Армянская и русская средневековые литературы. — Ереван, 1986. — С. 403–444.
2. Берлин И.З. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. — Пб., 1919.
3. Бершадский С.А. Литовские евреи: История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии (1388–1569). — СПб., 1883.
4. Библиейская энциклопедия / Сост. архим. Никифор. — М., 1891.
5. Булгаков Н.А. Преподобный Иосиф Волоцкий. — СПб., 1865.
6. Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. — СПб., 1842.
7. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. — М., 1900. — Т. 2, ч. 1.

Грешного инока Иосифа
сказание о новоявившейся
ереси...

8. Григоренко А.Ю. "Лаодикийское послание" и его литературное окружение // ТОДРЛ.— Л., 1990.— Т. 43.— С. 324–329.
9. Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России.— СПб., 1847.
10. Деяния Вселенских соборов.— Казань, 1871.— Т. 6.
11. Деяния Вселенских Соборов.— Казань, 1873.— Т. 7.
12. Еврейская энциклопедия / Под общ. ред. Л.Кацнельсона и Д.Г.Гинзбурга.— СПб., б. г.— Т. 1–16.
13. Евсеев И.Е. О книге Есфирь // Известия АН.— 1896.— Т. 8, № 5.— С. 329–344.
14. Евсеев И.Е. Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в. / Изд. ОИДР.— М., 1902.
15. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории).— М., 1982.
16. Ильинский Ф. Русские богомилы XV в. ("жидовствующие") // Богослов. вестн.: Июль—август.— Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1905.— С. 436–459.
17. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–XVI вв.— М.; Л.— 1955.
18. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви.— Париж, 1959.— Т. 1.
19. Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.— М., 1960.
20. Костомаров Н.И. Русская история в жизне-описании ее главнейших деятелей.— М., 1991.
21. Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Габбай — Измир.— Иерусалим: О-во по исслед. Еврейских общин, 1982.
22. Кузаков В.К. Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси в X–XVII вв.— М., 1976.
23. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения.— М., 1978.
24. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века.— М.; Л., 1960.
25. Макарий (Булгаков). История Русской Церкви.— СПб., 1870.— Т. 6.
26. Острожская Библия.— М.; Л.: Слово-Арт, 1988.— Фототип. изд.
27. Панов И. Ересь жидовствующих // Журн. Мин. нар. проsv.— 1877.— Отд. 2, № 1.— С. 1–40, № 2.— С. 295, № 3.— С. 1–59.
28. Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства" первой трети XVI века: Автореф. дис. канд. ист. наук.— М., 1986.
29. Полное собрание русских летописей.— СПб., 1851.— Т. 5.
30. Попов Н.П. Иосифово сказание о ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // Имп. отд. рус. яз. и словесности АН.— СПб., 1913.— Т. 18, кн. 1.— С. 173–197.
31. Послание инока Саввы на жидов и еретики / Предисл. С.А.Белокурова // ЧОИДР.— М., 1902.— Кн. 3, отд. 2.— С. 1–94.
32. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого / Вступ. ст. И.Я.Порфирьева.— 2-е изд.— Казань, 1882.
33. Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы "с хионы и турки" и проблема "жидовская мудрствующих" // ТОДРЛ.— Л., 1972.— Т. 27.— С. 329–369.
34. Рыбаков Б.А. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия.— М., 1993.
35. Сборник Русского исторического общества.— СПб., 1884.— Т. 41.
36. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры.— М., 1992.
37. Симонов Р.А., Стяжкин Н.И. Историко-логический обзор древнерусских текстов "Книга глаголемая логика" и "Логика Авиасафа" // Филос. науки.— 1977.— № 5.— С. 132–143.
38. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — перв.пол. XIV в.— Л., 1987; Вып. 2: Втор. пол. XIV–XVI в. Ч. 1.— Л., 1988; Ч. 2.— Л., 1989.
39. Словарь Русского языка XI–XVII вв.— М., 1975–1992.— Вып. 1–18.
40. Смирнов Е. История христианской Церкви.— 10-е изд.— Пг., 1915.
41. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.— СПб., 1903.
42. Собрание Н.П. Румянцева. Ф. 256. Дополн. и уточн. к описи А.Х. Востокова "Опис. рус. и слав. рукоп. Румянц. Музеума" (СПб., 1842)...ОР., 1975–1977.— Машинопись.
43. Сперанский М.Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора Еврея / Изд. ОИДР.— М., 1907.— Отд. отд.
44. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка.— М., 1989.— Т. 1–3.
45. Турилов А.А., Чернецов А.В. К изучению отреченных книг // Естественнонаучные представления Древней Руси.— М., 1988.— С. 111–140.
46. Турилов А.А., Чернецов А.В. К культурно-исторической характеристике ереси "жидовствующих" // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI–XVI века.— М., ИМЛИ РАН, 1989.— С. 407–429.
47. Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н.К.Гаврюшина.— М., 1993.
48. Философская энциклопедия: В 5 т.— М., 1967.— Т. 4.
49. Христианство: Энцикл. слов.: В 2 т.— М., 1993.— Т. 1.
50. Хрущов И. Исследования о сочинениях Иосифа Санина.— СПб., 1868.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- ✓ подробная информация о новоизданных книгах;
- ✓ возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- ✓ возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте,
пожалуйста, по электронной почте:**

info@axion.org.ru